

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Воскресенье 11 марта 1912 года.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.
Цѣна годовому изданію **5 р.**
За полгода **2 р. 50 к.**

№ 11

Адресъ Редакціи:
Воронежъ. Духовная
Семинарія.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, напечатаннымъ въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ 1912 года за № 2 отъ 21 декабря 1911 года—3 января 1912 года за № 10171, постановлено: разрѣшить повсемѣстный въ Имперіи церковный сборъ пожертвованій въ воскресенье 1-го апрѣля 1912 года за литургіей и наканунѣ сего дня за всеющною на сооруженіе храма на мѣстѣ родины св. равноапостольной великой княгини Ольги въ погостѣ Выбутѣ, Псковской губерніи и уѣзда, съ тѣмъ чтобы собранныя деньги вмѣстѣ съ актомъ благочиннаго были представлены въ духовную консисторію для доставленія ихъ въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ на предметъ назначенія.—О чемъ Консисторія и даетъ знать къ свѣдѣнію и должному исполненію духовенству епархіи.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 16—21 февраля 1912 г. за № 1316, о поминовеніи почившаго архіепископа Японскаго Николая.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о церковномъ поминовеніи преосвященнаго Николая, архіепископа Японскаго, въ 40-й день по его кончинѣ. Приказали: въ виду того, что 13-го числа будущаго марта мѣсяца исполнится 40 дней по кончинѣ въ Бозѣ почившаго преосвященнаго Николая, архіепископа Японскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: совершить означеннаго числа во всѣхъ церквахъ Имперіи поминовеніе души представльшагося приснопамятнаго іерарха; о чемъ для должнаго исполненія и напечатать въ ближайшемъ номерѣ „Церковныхъ Вѣдомостей“.

Отъ Воронежской Духовной Консисторіи.

Не смотря на то, что циркулярнымъ указомъ Консисторіи отъ 2 декабря 1910 года за № 38, вслѣдствіе указа Святѣйшаго Синода отъ 29 Сентября того же года за № 31, (объ урегулированіи церковныхъ сборовъ и отчисленій), было дано знать Благочиннымъ епархіи къ свѣдѣнію и исполненію о прекращеніи нѣкоторыхъ сборовъ пожертвованій, многіе о.о. Благочинные епархіи до сего времени продолжаютъ представлять въ Консисторію деньги въ пользу тѣхъ или другихъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій, сборъ пожертвованій въ пользу коихъ прекращень. Возникаетъ совершенно излишняя и обременительная переписка, когда представленныя въ Консисторію деньги возвращаются обратно тому и другому Благочинному за прекращеніемъ сбора для отсылки по принадлежности. Кромѣ того, многіе о.о. Благочинные представляютъ разнообразныя взносы и сборы

при одномъ общемъ рапортѣ, чѣмъ тоже вызываютъ излишнюю переписку копій съ рапортовъ для передачи въ разные столы и для подшивки къ разнымъ дѣламъ. Въ виду сего Консисторія, согласно опредѣленію Епархіальнаго Начальства отъ 24 февраля сего года, даетъ знать къ свѣдѣнію о.о. Благочинныхъ епархій, что прекращены слѣдующіе сборы пожертвованій: 1) на Туркестанскую миссію, 2) на Японскую миссію, 3) на сооруженіе въ Москвѣ храма-памятника Императору Александру II, во имя Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, 4) въ пользу Комитета Россійскаго Общества защиты женщинъ — (прекращенъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 29 сентября 1910 г. за № 31), 5) на сооруженіе храма въ увѣковѣченіе 300-лѣтія благополучнаго царствованія Дома Романовыхъ (сборъ 1 октября) прекращенъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 7—22 ноября 1911 года за № 8675, 6) на сооруженіе въ г. Сеулѣ храма-памятника (опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 22—26 марта 1910 г. за № 2186 сборъ былъ разрѣшенъ только на одинъ 1910 годъ), 7) на сооруженіе въ г. Москвѣ памятника Патріарху Гермогену и Архимандриту Діонисію (опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 17—18 мая 1910 г. за № 3710 сборъ былъ разрѣшенъ только на одинъ 1910 г.). Сборы пожертвованій, о которыхъ послѣ перваго распоряженія о производствѣ не было дальнѣйшихъ распоряженій: 8) на построеніе храма-памятника въ память павшихъ воиновъ сухопутной арміи (сборъ 14 сентября 1909 г.) былъ разрѣшенъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 23 февраля—9 апрѣля 1909 года за № 1377, 9) на построеніе Песковскаго храма въ Тифлисѣ, 10) на цогорѣльцевъ гор. Могилева, 11) на построеніе храма-памятника въ память моряковъ, погибшихъ въ минувшую войну — сборъ былъ разрѣшенъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 17 февраля—3 марта 1909 года и 12) въ пользу общества распро-

страненія релігіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, какъ разрѣшенный съ Высочайшаго соизволенія 10 октября 1908 года на одинъ годъ.

Давая о семъ знать къ свѣдѣнію и точному и неуклонному исполненію, Консисторія вмѣстѣ съ симъ предписываетъ о.о. Благочиннымъ епархіи отнюдь не представлять оной вышешпоименованныхъ сборовъ; что же касается остальныхъ, то строго разграничивать ихъ, представляя каждый взносъ или сборъ при отдѣльномъ рапортѣ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Архипастырское благословеніе.

Благочинному церкви I округа Бобровскаго уѣзда, Протоіерею Тимоѳею *Баженову* (онъ же настоятель Бобровскаго Николаевскаго собора), во вниманіе усиленныхъ и успѣшныхъ трудовъ его по обращенію въ его округѣ сектантовъ, въ количествѣ около 30 человекъ, въ лоно Православной Церкви, Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Анастасіемъ, Архіепископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ, преподано Архипастырское благословеніе.

Опредѣлены на мѣста:

А) На священническія:

Окончившій курсъ духовной семинаріи Іоаннъ *Ивановъ*—къ Рождество-Богородицкой церкви, сл. Злыдневой, Бирюченскаго уѣзда, 2 марта.

В) *На діакоискія:*

Діаконъ Рождество-Богородицкой церкви, с. Макарова, Новохоперскаго уѣзда, Іоаннъ *Максимовъ*, для пользы службы, перемѣщенъ къ Николаевской церкви, с. Горѣлки, того же уѣзда, 1 марта.

В) *На псаломщическія:*

Діаконъ на вакансіи псаломщика Покровской церкви, сл. Шапошниковой, Острогожскаго уѣзда, Павелъ *Маркинъ*, по прошенію, перемѣщенъ къ Преображенской церкви, с. Ольховатки, того же уѣзда, 29 февраля.

Псаломщикъ Покровской церкви, с. Тамбовской Мазы (Шукавка), Воронежскаго уѣзда, Николай *Ершовъ*, по прошенію, перемѣщенъ къ Архангельской церкви, с. Архангельскаго, Нижнедѣвицакаго уѣзда, 29 февраля.

Псаломщикъ Троицкой церкви, с. Новой Калитвы, Острогожскаго уѣзда, Михаилъ *Мастицкій*, по прошенію, перемѣщенъ къ Преображенскому собору, с. Павловска, 1 марта.

Окончившій курсъ двухкласснаго училища Петръ *Святозаровъ*, опредѣленъ и. д. псаломщика къ Покровской ц., сл. Шапошниковой, Острогожскаго уѣзда, 2 марта.

Бывшій псаломщикъ Успенской церкви, с. Козловки, Бобровскаго уѣзда, окончившій курсъ духовной семинаріи Георгій *Тростянскій*—къ Входу Іерусалимской церкви, г. Воронежа, 3 марта.

Псаломщикъ Христорождественской церкви, с. Солдатскаго На Котлѣ, Нижнедѣвицакаго уѣзда, Палладій *Гришинъ*, по прошенію, перемѣщенъ къ Троицкому собору г. Острогожска, за отказомъ отъ занятія сего мѣста назна-

ченнаго сюда бывшаго воспитанника духовной семинаріи Стефана *Петрова*, 29 февраля.

Уволены за штатъ:

Временно исполнявшій обязанности псаломщика при Дмитріевской церкви, с. Болота, Нижнедѣвицкаго уѣзда, Аркадій *Казьминъ*, по распоряженію Епархіальнаго Начальства. уволенъ отъ занимаемой должности, 28 февраля.

Псаломщикъ Покровской церкви, с. Хрѣноваго, Воронежскаго уѣзда, Іоаннъ *Свѣтозаровъ*, по прошенію, уволенъ за штатъ, 28 февраля.

Псаломщикъ Константино-Еленовской церкви, сл. Лѣсковой, Богучарскаго уѣзда, Алексѣй *Отченашковъ*, по распоряженію Епархіальнаго Начальства, отчисленъ отъ занимаемой должности, 1 марта.

СПИСОКЪ

вакантныхъ священническихъ и псаломщическихъ мѣстъ.

№№ по порядку.	Наименованіе уѣзда, прихода и церкви.	К о л и ч е с т в о.					Есть ли домъ.	
		Штатовъ.	Прихож. муж. пола.	Причт. земли.	Жалованья причту.			Причтоваго ка- питала.
					Отъ взы- мы.	Отъ об- щества.		
А) Священническая:								
1	Богучарскаго уѣзда, с. Березняговъ, Димитріевская церковь.....	2 2241	97	950 р.	—	—	—	
2	Того же уѣзда, сл. Богомоловой, Тро- ицкая церковь.....	2 1845	49	950 р.	—	—	—	
3	Бирюченскаго уѣзда, сл. Харьковской, Митрофановская церковь.....	2 1688	33	950 р.	—	—	—	
4	Валуйскаго уѣзда, сл. Красной, Георгі- евская церковь.....	2 1714	52	950 р.	—	—	—	
5	Того же уѣзда, хут. Аношкина, сди- новѣрческая Успенская церковь.....	1 11	33	400 р.	—	—	—	

17	Воронежскаго уѣзда, с. Богословскаго (Раевки), Рождество-Богородицкая церковь..	1	922	33	400 р.	—	1050 р.	—	
18	Валуйскаго уѣзда, с. Брянскихъ Липяговъ, Иоанно-Богословская церковь	1	1356	36	—	—	705 р.	—	
19	Коротоякскаго уѣзда, с. Тернового, Георгиевская церковь.....	1	880	38	400 р.	—	600 р.	—	
20	Богучарскаго уѣзда, с. Рудни, Предтеченская церковь	2	2064	66	—	—	1480 р.	—	
21	Острогожскаго уѣзда, с. Веретья, Богородицкая церковь..	1	932	33	400 р.	—	% 10 р.	Есть.	
<i>Б) Псаломщическія:</i>									
1	Бирюченскаго уѣзда, сл. Николаевки, Успенская церковь	2	2323	46	—	—	—	—	
2	Землянскаго уѣзда, с. Ломова, Вознесенская церковь	1	741	33	400 р.	—	—	—	
3	Богучарскаго уѣзда, сл. Новой Мѣловатки, Благовѣщенская церковь.....	2	1828	99	—	—	—	—	
4	Того же уѣзда, с. Никольскаго, Смоленская церковь	2	1714	99	950 р.	—	% 16 р.	—	
5	Нижнедѣвицкаго у., с. Терехова, Пятницкая церковь ..	1	1085	33	400 р.	—	% 15 р.	—	

6	Острогожскаго уѣзда, сл. Марьевки, Троицкая церковь	2	2313	53	950 р.	—	900 р.	—
7	Того же уѣзда, сл. Веселой, Тихоновская церковь	1	530	03	—	—	—	Есть.
8	Новохоперскаго уѣзда, сл. Макашевки, Христорождественская церковь	2	3001	84	—	—	—	—
9	Задонскаго уѣзда, деревня Донской, Скорбященская церковь	1	564	35	400 р.	400 р.	—	Есть.
10	Новохоперскаго уѣзда, с. Песокъ, Николаевская церковь	2	2575	81	—	1400 р.	—	Есть
11	Богучарскаго у., сл. Донецкой (Монастырщина тожь), Успенская церковь	1	1952	66	—	—	—	—
12	Задонскаго уѣзда, с. Ново-Дубового, Николаевская церковь	1	2209	30	—	—	—	—
13	Бирюченскаго уѣзда, хут. Муховки, Дмитриевская церковь	1	771	33	—	500 р.	—	Есть.
14	Богучарскаго уѣзда, сл. Калача, Вознесенская церковь	2	2319	132	—	—	—	—
15	Коротоякскаго уѣзда, с. Прудковъ, Рождество-Богородицкая церковь	1	366	33	400 р.	400 р.	—	Есть.
16	Бирюченскаго уѣзда, с. Варнаровка, Казанская церковь	3	3572	36	—	—	—	—

17	Бобровскаго уѣзда, с. Никольскаго, Николаевская церковь.	1	1420	33	—	—	400 р.	Есть
18	Нижнедѣвицакаго уѣзда, с. Старо-Никольскаго, Троицкая церковь.	2	3106	150	—	—	3175 р.	—
19	Навловскаго уѣзда, с. Солонецкаго, Богословская церковь.	1	618	35	—	—	—	—
20	Острогожскаго уѣзда, с. Верхняго Карабута, Рождество Богородицкая церковь. . .	1	915	35	400 р.	—	% 16 р.	—
21	Бирюченскаго уѣзда, с. Верхососенска, Ильинская церковь.	1	617	32	400 р.	—	—	—
22	Воронежскаго уѣзда, пос. Бирюченскаго, Покровская церковь.	1	715	35	400 р.	500 р	% 25 р.	Есть.
23	Навловскаго уѣзда, с. Затонскаго, Рождество-Богородицкая церковь.	1	706	35	400 р.	—	—	Есть.
24	Коротоякскаго уѣзда, с. Голдаевки, Николаевская церковь.	1	579	41	400 р.	—	—	Есть
25	Навловскаго уѣзда, с. Верхняго Кисляя, Покровская церковь.	2	2219	66	—	—	400 р.	—
26	Острогожскаго уѣзда, сл. Лознянской, Благовѣщенская церковь.	1	1801	25	—	—	—	—
27	Нижнедѣвицакаго уѣзда, с. Вислаго, Сергѣевская церковь.	1	493	27	400 р.	—	—	Есть.

28	Нижнедѣвицкаго у., с. Ясенковъ, Крестовоздвиженская церковь.....	2	2228	66	—	—	% 28 р.	—
29	Павловскаго уѣзда, с. Верхняго Кисляя, Покровская церковь	2	2219	66	—	—	400 р.	—
30	Богучарскаго уѣзда, с. Верхняго Быка, Тихоновская церковь	1	868	35	—	—	—	Есть.
31	Бобровскаго уѣзда, с. Чулка, Казанская церковь.....	1	1115	33	550 р	600 р.	—	Есть.
32	Валуйскаго уѣзда, с. Казначеевки, Покровская церковь.....	1	2053	36	—	—	—	—
33	Нижнедѣвицкаго уѣзда, с. Болота, Дмитриевская церковь	1	476	59	400 р	—	300 р.	—
34	Воронежскаго уѣзда, с. Хрѣнового, Покровская церковь	1	1966	52	—	—	—	—
35	Того же уѣзда, с. Шукавки (Тамбовская Маза тожъ), Покровская церковь	2	2241	33	—	—	600 р.	—
36	Богучарскаго уѣзда, сл. Лѣсковой, Константино-Елеповская церковь	1	1190	33	—	450 р	—	Есть.
37	Острогожскаго уѣзда, сл. Новой Калитвы, Троицкая церковь	2	2469	153	—	—	4050 р.	—
38	Нижнедѣвицкаго уѣзда, с. Солдатскаго на Котль, Христорожественская церковь...	2	2440	45	—	—	—	—

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ. —

11 МАРТА.

№ 11

1912 ГОДА.

Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ Кіевскій (1767—1837 г.).

(Его біографія и характеръ ученой дѣятельности).

Личность митрополита Кіевского Евгенія Болховитинова, въ своей жизни и дѣятельности проявившаго всю широту и глубину своего недюжиннаго таланта, оставившаго глубокой слѣдъ въ различныхъ отрасляхъ исторической науки, особенно должна быть дорога для Воронежской Семинаріи, въ которой онъ получилъ первоначальное образованіе и гдѣ, такъ сказать, опредѣлился его нравственный обликъ. Принимая во вниманіе такую близость митрополита Евгенія къ нашей школѣ, не безъинтересно будетъ остановиться на томъ, что она представляла собою, когда ему пришлось въ ней обучаться. Историкъ духовныхъ школъ, профессоръ Знаменскій такъ говоритъ о состояніи духовныхъ семинарій во второй половинѣ XVIII в.: „духовная школа второй половины XVIII в. выставила изъ своей среды не однихъ схоларей стараго типа; она сумѣла образо-

вать въ тоже время цѣлый рядъ высокихъ церковныхъ дѣятелей, живыхъ современныхъ ораторовъ, высокообразованныхъ подвижниковъ на разныхъ поприщахъ науки и не одной духовной, но и свѣтской... Какъ ни слаба была постановка общеобразовательныхъ предметовъ въ семинарскомъ курсѣ, они все-таки уже были въ него введены... Самое существованіе въ этомъ курсѣ указанныхъ наукъ необходимо должно было оказывать на него болѣе или менѣе замѣтное вліяніе, открывая предъ глазами спеціально-сословной школы цѣлый міръ новыхъ общеобразовательныхъ и притомъ положительныхъ знаній...

Въ массу отрѣшенной отъ жизни формальной учености сама собою стала пробиваться свѣжая и оживляющая струя новыхъ фактическихъ свѣдѣній, предъ которыми все яснѣе и яснѣе стала обнаруживаться пустота діалектическихъ фокусовъ¹⁾... Такъ какъ обученіе митрополита Евгенія въ Воронежской семинаріи какъ разъ совпадаетъ со второй половиной XVIII в., то мы безошибочно можемъ констатировать тотъ фактъ, что новыя вѣянія по вопросу улучшенія семинарскаго курса занесены были и въ нашу Воронежскую семинарію, тѣмъ болѣе, что при тогдашней особенной зависимости состоянія духовныхъ школъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, имѣвшихъ громадное вліяніе на духъ и направленіе самой школы, къ Воронежской семинаріи стояли близко такіе архипастыри, которые всѣми силами стремились къ улучшенію положенія семинарскихъ дѣлъ. Таковы были епископы: Тихонъ 1, 2 и 3. При Тихонѣ 2-мъ (1767—1775) вводятся языки греческій, нѣмецкій, французскій. При Тихонѣ 3-мъ (1775—88) открываются въ семинаріи два класса: филофскій и богословскій. Старый методъ преподаванія, именуемый „мертвящей схематизаціей діалектическихъ тон-

¹⁾ Знаменскій, Духовн. школы, стр. 785—787.

костей^а, мало по-малу начинаетъ сходить со сцены и уступаетъ мѣсто методу, основанному на началахъ педагогическаго такта. Въ предметы курса вносится живой элементъ, преслѣдующій практическія цѣли. Въ такую счастливую пору жизни Воронежской семинаріи Евгеній Болховитиновъ и дѣлается ея питомцемъ (1778 г.).

Евѣимій (мірское имя митрополита Евгенія) Болховитиновъ родился 18 декабря 1767 года. Отецъ его—священникъ одной изъ Воронежскихъ приходскихъ церквей, черезъ десять лѣтъ послѣ рожденія сына, умираетъ, оставляя сироту на попеченіе матери, не обладающей никакими средствами для воспитанія и образованія своего сына. Къ счастью мальчикъ имѣлъ хорошій голосъ и она опредѣляетъ его въ пѣвческой архіерейской хоръ, гдѣ, кромѣ пѣнія, онъ получаетъ первоначальное образованіе. Послѣднее даетъ ему возможность поступить въ Воронежскую семинарію прямо во второй, такъ называемый „синтаксическій“, классъ, въ которомъ онъ четыре года учится грамматикѣ, ариѳметикѣ, исторіи и географіи. Въ 1782 г. Болховитиновъ переходитъ въ „реторическій“ классъ и здѣсь изучаетъ поэзію и реторику. Въ числѣ 34 учениковъ этого класса онъ отмѣчается въ спискахъ „отличныхъ дарованій и прилежанія“. Въ 1784 г. Болховитиновъ переходитъ въ „философскій“ классъ, но, не прослушавъ полнаго философскаго курса, съ половины его, въ 1785 г. преосвященнымъ Тихономъ 3-мъ отправляется вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ И. Богомолковымъ въ Московскую духовную академію для основательнаго изученія философіи и греческаго языка.

Юный Болховитиновъ, покидая Воронежскую семинарію, могъ сказать ей искреннее „спасибо“, такъ какъ образованіе, которое онъ получилъ въ ней, хотя было и значительно ограничено, но зато оно, при тогдашнемъ, начинавшемъ только что входить въ силу, стремленіи не ограни-

чиваться одной сухой передачей научных свѣдѣній, а вліять ими на умъ, сердце и волю, было не лишено хорошихъ сторонъ.

Учили хотя и немногому, но требовали основательнаго знанія изучаемыхъ предметовъ и старались оообенно пріучить воспитанниковъ къ правильному мышленію, логической вѣрности и послѣдовательности въ мысляхъ.

Поэтому Болховитиновъ, какъ юноша даровитый и воспріимчивый, вынесъ изъ семинаріи, хотя и небольшой, но хорошій запасъ знаній, а всего важнѣе—привычку и любовь къ труду, что особенно сказалось въ его неутомимыхъ занятіяхъ исторически—учеными трудами. Въ счастливую пору и для Московской академіи пришлось Болховитинову учиться въ ней. То было время ея процвѣтанія подъ покровительствомъ митрополита Платона. Этотъ знаменитый проректоръ академіи—человѣкъ таланта и дарованій, съ необыкновенною любовью относился къ воспитанникамъ академіи, всей душой отдаваясь ихъ интересамъ. Академія была хотя и въ цвѣтущемъ состояніи, но все же имѣла нѣкоторые недостатки, ихъ то митрополитъ Платонъ и признавалъ и, допуская тѣ или другія новшества, старался парализовать. Такъ, вслѣдствіе недостаточнаго преподаванія иностранныхъ языковъ и философіи въ стѣнахъ академіи, митрополитъ Платонъ позволялъ лучшимъ изъ академистовъ посѣщать лекціи Московскаго университета, который тогда являлся центромъ, около котораго развивался умственный кругозоръ русскаго общества. Вопреки традиціи—читать лекціи по-латыни, въ 1767 г. высочайшимъ указомъ русскимъ профессорамъ вмѣняется въ обязательство читать оныя по-русски, а въ 1771 г. основывается „Вольное Россійское собраніе“ для разработки и усовершенствованія русскаго языка. Русская публика тѣсно сближается съ университетомъ, присутствуетъ на актахъ и ученыхъ торжествахъ.

Эта близость къ обществу неизбежно влекла за собою пробужденіе литературныхъ занятій, и всѣ литературныя силы, сплоченныя въ тѣсную, дружную семью, поощряемая положеніемъ университетскаго уклада жизни, знакомятъ русское общество съ идеями запада, которыя открываютъ для него цѣлый міръ новыхъ понятій и глубокихъ истинъ.

Таково было Новиковское общество, въ своей дѣятельности достигшее высшаго развитія, когда Болховитиновъ, какъ юноша съ дарованіями, обратившій на себя вниманіе митрополита Платона, получилъ право записаться для слушанія лекцій въ университетѣ. Слушая лекціи въ университетѣ, Болховитиновъ тѣсно познакомился съ направленіемъ и дѣятельностью Новиковскаго кружка и подъ его вліяніемъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимое влеченіе къ литературнымъ занятіямъ. Будучи по характеру живымъ и воспримчивымъ, онъ способенъ былъ легко поддаваться духу времени. Въ литературной сферѣ въ это время зарождалось новое направленіе, готовившееся выступить на смѣну ложно-классицизма. Извѣстное въ исторіи литературы подъ именемъ сентиментализма съ его желаніемъ простоты и свободы въ чувствахъ и упорными порывами къ невѣдомому, идеальному міру, оно широкой волной охватило русское общество и повлекло за собою молодого чувствительнаго Болховитинова, симпатіи котораго были всѣ на сторонѣ новаго направленія. Ихъ онъ и засвидѣтельствовалъ своими первыми литературными трудами, изъ которыхъ мы отмѣтимъ одинъ, какъ наиболѣе носящій отпечатокъ новаго литературнаго направленія.

Это поэма Экенсайда „Удовольствіе отъ способности воображенія“. Въ ней слышится упорный, призывъ—сойти со сцены жизни съ ея условностью и манерностью; перестать разыгрывать заученную роль, а лучше пробудить въ себѣ самодѣятельность и искать удовольствія въ простотѣ свободной фантазіи, въ чувствительности, въ природѣ. Чув-

ствительность, сказавшаяся въ симпатіяхъ новому направле- нію въ литературѣ, горячка молодыхъ лѣтъ, юпошески-не-ясные порывы и стремленія молодой души къ міру идеаль- ному—находили себѣ порою выходъ въ рифмованныхъ зву- кахъ и Болховитиновъ въ годы студенчества переживалъ время поэтического творчества, хотя и не обладалъ поэти- ческимъ талантомъ, въ чемъ сознавался и самъ.

Находясь подъ вліяніемъ новаго литературнаго напра- вленія и отдавая ему должную дань, Болховитиновъ въ то же время находился и подъ вліяніемъ новаго движенія въ умственной жизни тогдашняго образованнаго общества. Луч- шая часть образованныхъ русскихъ людей второй половины XVIII вѣка не довольствовалась однимъ лишь только фор- мальнымъ образованіемъ и это недовольство вылилось въ упорной работѣ надъ своимъ прошлымъ. Для этого понадо- билось изысканіе и собраніе историческихъ матеріаловъ, лѣ- тописей, актовъ, грамотъ и т. д.

Новиковское общество помимо литературной дѣятельно- сти занимается научной разработкой русской исторіи. Самъ Новиковъ издаетъ древніе историческіе памятники. Понятно, что Болховитиновъ, какъ близко знакомый съ этимъ обще- ствомъ и принимающій участіе въ его работахъ, не могъ устоять предъ создавшейся жизнью русскаго общества зада- чей—пролить свѣтъ на прошлое Россіи. Не могло также остаться безъ вліянія и знакомство Болховитинова съ Никол. Бантышъ-Каменскимъ, управляющимъ архивомъ ино- странныхъ дѣлъ, который понималъ дарованія Болховитинова въ исторической области и своимъ примѣромъ кропотливой работы надъ разбросанными въ архивѣ историческими доку- ментами закрѣплялъ въ душѣ юноши интересъ къ научнымъ занятіямъ историческаго характера.

Мы видимъ, что студенческіе годы Болховитинова зна- чительно измѣнили его духовную фнзіономію сравнительно

съ той, какую онъ имѣлъ, покидая Воронежскую семинарію.

Окончивши курсъ въ Московской академіи въ 1788 году, онъ возвращается въ свою родную Воронежскую семинарію уже не мальчикомъ, только что глубоко сознавшимъ всю важность и необходимость образованія и въ силу этого сознаниіи стремящимся къ свѣту знанія, а человѣкомъ, хотя еще и не вполне сформировавшимся, но зато почувствовавшимъ въ себѣ силу интеллектуальной развитости, силу работоспособности и горячо рѣшившимся эту работоспособность принести на алтарь широкой педагогической дѣятельности. И дѣствительно, его педагогическая дѣятельность въ Воронежской семинаріи окружена ореоломъ неусыпныхъ заботъ объ улучшеніи учебниковъ, руководствъ и пособій семинарскаго курса. Съ этою цѣлью онъ по всѣмъ предметомъ своего преподаванія составлялъ руководства и пособия для воспитанниковъ семинаріи. Предметы же его занятій были многочисленны и разнообразны. На первыхъ порахъ онъ преподавалъ реторику и французскій языкъ, а потомъ, опредѣленный префектомъ и исправляющимъ должность ректора семинаріи, онъ началъ преподавать богословскія науки, именно: догматическое и нравственное богословіе, церковную исторію и священную герменевтику съ прибавленіемъ эллинскаго и простаго греческаго языка для высшаго класса. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ введены были въ курсъ наукъ Воронежской семинаріи только при немъ, и на первый разъ могли быть преподаваемы только имъ однимъ (священная герменевтика, церковная исторія, прост. греч. яз. и франц.). Да и вообще Болховитиновъ замѣнялъ собою многихъ преподавателей въ семинаріи и притомъ такъ, что по каждой наукѣ былъ лучшимъ наставникомъ, воспитателемъ. Надѣляя своихъ учениковъ дѣльными руководствами по предметамъ обученія, Болховитиновъ располагалъ и побуждалъ старшихъ изъ нихъ къ такимъ работамъ, которыя прямо не относи-

лись къ школьнымъ занятіямъ, а требовали особеннаго труда и знанія. Такъ, подъ его руководствомъ старшіе ученики переводили съ французскаго языка замѣчательныя по тому времени нѣкоторыя сочиненія, наир., „Философскія размышленія о происхожденіи языковъ и знаменованіи словъ“, Мопертюи и др. Словомъ, онъ былъ педагогомъ новаго типа, педагогомъ, въ которомъ знаніе облакалось въ тѣлесную оболочку и находило себѣ выраженіе въ жизни, а не витало тамъ гдѣ-то въ заоблачной, недоступной выси. И Воронежская семинарія въ улучшеніи ея образовательнаго дѣла многимъ была обязана заботамъ и трудамъ Болховитинова.

Исправляя различныя обязанности по семинаріи, Болховитиновъ, какъ человѣкъ живого нрава, привыкшій въ студенческіе годы вращаться въ кругу образованныхъ людей, не могъ вести замкнутой жизни. Жизнь общества съ его серьезными интересами влекла его къ себѣ и онъ шелъ ей на встрѣчу съ страстнымъ желаніемъ, охватившимъ все его, полное силъ, молодое существо.

Къ счастью въ своемъ городѣ онъ встрѣтилъ людей, въ которыхъ нашелъ не мало общаго съ собою, приблизилъ ихъ къ себѣ, сдѣлалъ ихъ своими друзьями. Сближенные общими интересами, они образовали изъ себя литературный кружокъ, душою и вдохновителемъ котораго былъ Болховитиновъ. Дружеская простота и откровенность были положены въ основу ихъ отношеній. Среди серьезныхъ интересовъ, пересыпанныхъ юморомъ и шуткой, проводили они веселые вечера.

Для Болховитинова это было прекрасное время. Въ кружкѣ, безспорно, витала мысль, мысль юношески здоровая. На судъ этой мысли онъ приносилъ свои кабинетные труды, читалъ ихъ въ кругу своихъ пріятелей, охотно выслушивалъ ихъ замѣчанія и исправлялъ ошибки.

Скоро Болховитинова стала тяготить такая жизнь. Онъ

былъ въ такихъ годахъ и занималъ такое положеніе въ обществѣ, что могъ желать извѣстнаго семейнаго комфорта, присутствія близкаго человѣка.

Въ 1793 году онъ женился и былъ рукоположенъ во священника. Въ 1796 году онъ былъ произведенъ уже въ протоіерея уѣзнаго города Павловска. Это однако не помѣшало ему остаться въ семинаріи при прежнихъ своихъ должностяхъ: очевидно, онъ не думалъ разставаться съ ними. Но судьба готовила ему другое. Въ 1799 году его постигаетъ семейное несчастье, онъ овдовѣлъ и лишился дѣтей,—это совершенно измѣняетъ путь его жизни. Теперь онъ навсегда долженъ былъ покинуть родную семинарію и насколько это было прискорбно для нея, можно видѣть изъ прощальныхъ стиховъ, которые она поднесла ему въ день отъѣзда. Вотъ что, между прочимъ, говорили питомцы, своему наставнику и руководителю, прощаясь съ нимъ съ тяжелыми чувствами:

Онъ тотъ же, блага тѣ же льются;
Его добротъ свѣтъ не погасъ;
Таланты тѣ же раздаются,
Но для другихъ, а не для насъ.
Его другой парнасъ взываетъ,
Плодовъ подобныхъ ожидаетъ;
Подобно будетъ онъ любимъ;
Труды его дадутъ страду
И онъ за—подвигъ тотъ въ награду
Пребудетъ также нами чтимъ.

.
.

Мы—думали для насъ ты жилъ,
Мы—для тебя, трудясь охотно,
Съ свободнымъ духомъ беззаботно,
О сколько жребій сей намъ милъ!

Мы мнимъ забыть и укрѣпиться,
Слеза невольно льетъ, катится;
Не можемъ плакать мы престать.
Какой надеждой утѣшаться,
Коль намъ такого не дождаться?
Осталось лишь по немъ рыдать...

Лишившись жены и дѣтей, Болховитиновъ почувствовалъ себя одинокимъ; его душой овладѣло тяжелое чувство грусти, онъ никакъ не могъ забыть, все измѣнившей въ его жизни, утраты. Рана настолько казалась ему глубокой, что онъ связи съ міромъ считалъ уже порванными. Сравнительно не трудно было порвать ихъ и *de jure*. Въ январѣ 1800 г. онъ твердо рѣшилъ постричься въ монахи и сообщилъ объ этомъ старому знакомому по Москвѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскому. Послѣдній сочувственно отнесся къ намѣренію Болховитинова принять монашество и предложилъ ему пріѣхать за рекомандательнымъ письмомъ къ Петербургскому архіепископу Амвросію, съ которымъ Бантышъ-Каменскій издавна находился въ тѣсной дружбѣ.

1 марта 1800 г. Болховитиновъ былъ уже въ Петербургѣ, а 3 марта т. г. былъ опредѣленъ префектомъ Александро-Невской академіи и учителемъ философіи и высшаго краснорѣчія. Онъ былъ нареченъ архимандритомъ Зеленецкаго монастыря, подъ избраннымъ имъ именемъ Евгенія. Скоро (9 марта) послѣдовалъ и актъ постриженія его въ монашество.

Такъ произошла рѣшительная перемѣна въ жизни Болховитинова, она поставила его на рубежѣ между мірской и монашеской жизнью и открыла двери на арену широкой ученой и практической дѣятельности. И онъ весь, не связанный узами семейнаго очага, отдался ей.

Обязанности по службѣ въ Александро-Невской академіи. заключающіяся въ наблюденіи за „нравственною и хо-

зайственою ея частью“ и въ преподаваніи философіи, высшаго краснорѣчія и церковной исторіи; завѣдываніе отчетностью по монастырямъ, коихъ настоятелемъ онъ значился; служба въ Консistorіи, членомъ которой онъ состоялъ; исправленіе чреды богослуженія; нерѣдкія слѣдствія по монастырскимъ дѣламъ,—все это отвлекало Евгенія отъ научныхъ занятій въ кабинетѣ. Однако какъ ни сложны были его обязанности и какъ они много времени не отнимали, Евгеній не оставлялъ науки. Обстановка нѣсколько благопріятствовала этому. Живя въ столицѣ, онъ имѣлъ подъ руками всевозможныя средства и пособія. Академическая бібліотека была довольно богата книгами; достаточно въ ней было собрано и рукописей. Эти рукописи прежде впрочемъ обратили на себя вниманіе Евгенія. Онъ тщательно пересматрѣлъ ихъ, опредѣлилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ происхожденіе (по столѣтіямъ), а съ нѣкоторыхъ дѣлалъ даже списки. Результаты своихъ ученыхъ работъ онъ вносилъ въ курсъ исторіи, которую преподавалъ въ академіи между прочими предметами. До него исторія русской церкви излагалась вмѣстѣ съ общей церковной исторіей, читалась въ самомъ краткомъ объемѣ съ указаніемъ лишь важныхъ событій церковной жизни. Евгеній, читая русскую церковную исторію, какъ и прежде вмѣстѣ съ общею, выдѣлялъ первую и давалъ ей большій объемъ и значеніе, чѣмъ это было до него. Преданный научно-историческимъ работамъ и будучи самъ по складу своего ума талантливымъ историкомъ, Евгеній въ преподаваніи церковной исторіи не ограничивался однимъ лишь чтеніемъ лекцій по оной, но побуждалъ своихъ слушателей къ самостоятельнымъ ученымъ работамъ въ этой области, являясь самъ главнымъ руководителемъ и помощникомъ. Онъ давалъ студентамъ академіи темы для сочиненій по исторіи, подбиралъ источники и пособія. Приготовленныя студентами работы онъ исправлялъ и передѣлывалъ, послѣ чего

студенческіе труды публично читались на академическихъ актахъ. Такъ, подъ руководствомъ Евгенія были написаны слѣд. сочиненія: Историческое изслѣдованіе о соборахъ Россійской церкви, Разсужденіе о соборномъ дѣяніи, бывшемъ въ Кіевѣ 1157 г. на еретика Мартина, Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій и др. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ видна широкая постановка вопросовъ, громадная эрудиція и твердые критическіе приемы, что, конечно, говоритъ за главное участіе въ нихъ Евгенія.

Въ это время Евгеній уже былъ извѣстенъ въ Петербургѣ, какъ ученый и талантливый историкъ, потому что его „Историческое описаніе Воронежской губерніи“, составленное еще въ Воронежѣ, вышло изъ печати и сдѣлалось извѣстнымъ Петербургскому обществу. Въ скоромъ времени представился для Евгенія случай засвидѣтельствовать свою ученость и на мѣстѣ служенія.

Въ 1800 г. генераль іезуитскаго ордена Груберъ, жившій тогда въ Петербургѣ, предложилъ императору Павлу I-му проэктъ соединенія нашей церкви съ латинскою. Дѣло велось такъ хитро и искусно, что государь, повидимому, склонялся уже на его предложеніе. Сдѣланъ былъ запросъ митрополиту Амвросію. Послѣдній поручилъ Евгенію составить докладную записку о папской власти, каковое порученіе Евгеній и исполнилъ съ успѣхомъ, такъ какъ записка подѣйствовала на императора и происки Грубера на увѣнчались успѣхомъ.

Успѣхъ, съ которымъ Евгеній исполнилъ данное ему порученіе, еще больше закрѣпилъ за нимъ авторитетъ ученаго.

Въ 1803 г. въ селѣ Чудовѣ, по Московской дорогѣ, была открыта секта духоборцевъ; два духоборца по распоряженію Свят. Синода были присланы въ Александро Невскую Лавру для дознанія ученія ихъ секты и для увѣщанія.

Высшее духовное Начальство поручило сдѣлать это увѣщаніе Евгенію. Плодомъ его было составленное Евгеніемъ историческое „Изслѣдованіе исповѣданія духоборческой секты“, каковое чрезъ митрополита Амфросія представлено было Святѣйшему Синоду только лишь въ 1806 году.

Наряду съ учеными порученіями высшаго духовнаго начальства и учеными работами, находящимися въ связи съ предметами преподаванія въ Александро-Невской академіи, Евгеній съ необычайной неутомимостью, свойственною только истиннымъ любителямъ науки, занимался учеными историческими трудами, стоящими внѣ всякой зависимости отъ занимаемаго имъ положенія, какъ префекта академіи и какъ ея преподавателя. Однимъ изъ такихъ ученыхъ трудовъ этого времени, особенно замѣчательнымъ является „Историческое изображеніе Грузіи въ политическомъ, церковномъ и учебномъ ея состояніи“. Оно обратило на себя вниманіе не только Россіи, гдѣ представляло особенно живой интересъ, такъ какъ въ 1801 г. Грузія окончательно была присоединена къ Россіи, но и Западной Европы.

Однако скоро занятія учеными трудами независимо отъ занятій, связанныхъ съ его должностнымъ положеніемъ, въ общей своей сложности требовавшія не мало упорнаго труда, надломили силы Евгенія. Надоѣлъ ему и Петербургъ съ его многочисленными должностями, отвлекающими отъ ученыхъ занятій въ кабинетъ. Въ своихъ письмахъ къ другу, Македонцу, онъ жаловался на эту чрезвычайную обремененность должностями и высказывалъ свое желаніе переселиться куда-нибудь изъ Петербурга. Скоро это желаніе Евгенія исполнилось.

1 января 1804 г. онъ получилъ епископскій санъ и съ этого времени послѣдовательно назначается на нѣскольکو епископскихъ кафедръ, при чемъ въ каждой изъ епископій, гдѣ ему приходилось епископствовать, онъ съ лю-

бовію и изумительной тщательностью занимался изученіемъ прошлыхъ судебъ края.

Плодомъ этого изученія появилось много ученыхъ историческихъ сочиненій, имѣвшихъ не малое значеніе для развитія исторической науки.

24 января 1822 г., послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Псковѣ, Евгеній былъ назначенъ, наконецъ, Кіевскимъ митрополитомъ и 11 апрѣля того же года пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ, не оставляя своихъ ученыхъ работъ и ревностно служа православной церкви, скончался 23 февраля 1837 года.

75 лѣтъ прошло послѣ его смерти, но память о немъ, какъ о человѣкѣ, всю свою жизнь посвятившемъ кропотливой работѣ надъ историческимъ прошлымъ, не умерла. Она запечатлѣна имъ для потомства многими историческими, археологическими открытіями и описаніями. Будучи въ послѣдніе годы своей жизни послѣдовательно переводимъ съ одной епископіи на другую, о чемъ мы уже имѣли случай упомянуть, онъ имѣлъ благопріятную обстановку для такого рода работъ, такъ какъ ему приходилось управлять тѣми епархіями, кои сыграли немалую роль въ исторіи, какъ церкви, такъ и государства, и, слѣдовательно, являлись благодарной почвой для ученой дѣятельности Евгенія.

Такъ, пріѣхавъ въ Новгородъ, онъ писалъ: „я часто со вздохомъ взираю на мѣсто Ярославля двора, на руины княжаго дома, на щебенъ Марѣиныхъ палатъ, на мѣстѣ коихъ; кажется, никто со времени смерти ея не осмѣлился еще ставить своего жилья. А софійскій соборъ — palladium древнихъ новгородцевъ! Онъ много видѣлъ около себя произшествій славныхъ и позорныхъ, радостныхъ и печальныхъ. Онъ всѣ ихъ пережилъ, былъ и увѣшиваемъ трофеями, и омываемъ слезами. Такой старецъ достоинъ низкаго поклона отъ всякаго мимоходящаго. И онъ-то у меня передъ окнами! Я, часто развертывая, глядя на него, новгородскую

лѣтопись, писанную точнымъ стариннымъ языкомъ новгородцевъ, возобновляю въ сердцѣ моемъ при оригинальныхъ ихъ фразахъ оригинальныя ихъ чувствованія и самъ себѣ кажуся существующимъ за нѣсколько вѣковъ передъ симъ... Я могъ бы открыть здѣсь многое, сокровенное отъ русскихъ исторіописателей“. И дѣйствительно, въ бытность его въ Новгородѣ имъ открыты были грамоты Новгородскихъ князей Мстислава и Всеволода, жалованныя новгородскому Юрьеву монастырю и представлявшія собою одинъ изъ первыхъ памятниковъ древняго русскаго законодательства; на эти грамоты Евгеній дѣлалъ свои замѣчанія, которыя впоследствии издавалъ нѣсколько разъ съ полнымъ разборомъ этихъ памятниковъ со стороны исторической, канонической, археологической и палеографической.

Кромѣ того, бібліотека Новгородскаго Софійскаго собора, состоявшая изъ множества древнихъ рукописныхъ книгъ, открывала обширный запасъ свѣдѣній о древне-русской религіозной образованности новгородскаго края, сообщала свѣдѣнія о древне-русскихъ писателяхъ, о которыхъ или мало или совершенно не говорилось въ печатныхъ изданіяхъ, свѣдѣнія о такихъ сочиненіяхъ, которыя еще не были разобраны и описаны. И Евгеній со всѣмъ пыломъ неутомимой энергіи приступилъ къ собранію свѣдѣній объ этихъ писателяхъ и сочиненіяхъ, словомъ приступилъ къ составленію, давно задуманнаго имъ, полнаго историческаго словаря о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, который былъ изданъ имъ въ Калугѣ.

Переведенный въ 1808 г. въ Вологду, пр. Евгеній съ такимъ же стараніемъ, какъ и въ Новгородѣ, принялся за изученіе остатковъ древности въ Вологодскомъ краѣ, — отыскивалъ и записывалъ разныя мѣстныя историческія преданія и сказанія. Плодомъ этихъ розысканій были собранныя имъ матеріалы для обширныхъ историческихъ статей. Такъ,

были написаны имъ, но—первыхъ статья о зырянскихъ древностяхъ, въ которой изложены свѣдѣнія о зырянскихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, о дѣятельности знаменитаго просвѣтителя зырянъ, Стефана Пермскаго, о свойствѣ и характерѣ составленной имъ зырянской азбуки; во—вторыхъ, обстоятельная, по собственному выраженію Евгенія, исторія вологодской іерархіи, описаніе 88 монастырей вологодской епархіи и краткое свѣдѣніе о святыхъ угодникахъ вологодскихъ.

Такой же характеръ носила ученая дѣятельность пр. Евгенія и въ Псковскомъ краѣ, куда онъ былъ перемѣщенъ послѣ трехлѣтняго епископства въ Калужской епархіи, весною 1816 года. Псковскій край въ это время имѣлъ много развалинъ, напоминавшихъ собою о прошлой его жизни, своеобразной по своему политическому и церковному складу. Преосвящ. Евгеній опять началъ осматривать древніе памятники, письменные и неписьменные, разбирать архивы монастырскіе и губернскіе, дѣлать выписки и составлять всему описаніе. Плодомъ новыхъ розысканій были составленныя имъ описанія монастырей псковской епархіи, описаніе рукописей, хранящихся въ монастыряхъ, археологическое и статистическое описаніе древняго города Изборска.

Не оставлялъ своей ученой дѣятельности Евгеній и тогда, когда былъ назначенъ Кіевскимъ митрополитомъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Сила привычки и любви къ ученому труду непрестанно толкали его на путь историческихъ изслѣдованій и открытій и Евгеній не противостоялъ этой силѣ. При помощи раскопокъ, митрополитъ Евгеній сдѣлалъ въ Кіевѣ много археологическихъ открытій и описаній, вновь издалъ „Кіевскій синописисъ“, замѣчательное сочиненіе, приписываемое перу кіевского ученаго Иннокентія Гизеля, содержащее въ себѣ краткую исторію кіевского края до времени царя Θεодора Алексѣевича, и, до изданія Ломоносовымъ „Краткаго Россійскаго Лѣтописца“, бывшее един-

ственной печатною книгою по русской исторіи. Митрополитъ Евгеній дополнилъ синописъ новыми свѣдѣніями: внесъ въ него списки послѣдующихъ русскихъ и литовско-польскихъ государей, списки новыхъ малороссійскихъ гетмановъ и кievскихъ митрополитовъ

Въ то же время митрополитъ Евгеній не оставлялъ и самостоятельныхъ работъ. Такъ, онъ составилъ „Описаніе Кіево-печерской лавры“, гдѣ собранъ обильный матеріалъ для исторіи кievопечерскаго монастыря и жизни его подвижниковъ, приложены уставы и грамоты князей, опредѣлявшіе юридическія права и содержаніе кievопечерскаго монастыря, представлены разные планы кievскихъ пещеръ, разъяснявшіе историческую судьбу ихъ въ различное время.

Эти ученые труды митрополита Евгенія говорятъ намъ о его неистощимомъ запасѣ энергіи, силъ и твердости духа и способности легко ориентироваться въ памятникахъ древности и по признакамъ времени опредѣлять ихъ историческій смыслъ.

Ars longa, vita brevis est, часто говорилъ при жизни митрополитъ Евгеній, но Богъ далъ ему и долгую жизнь, въ теченіе которой онъ не оставлялъ своего служенія наукѣ, былъ истиннымъ ея жрецомъ и всѣ силы свои приносилъ на ея алтарь и оставилъ это служеніе только вмѣстѣ съ жизнью.

Воспитанникъ Ворон. Духовн. семинаріи VI кл. I отд.
Василій Саввинъ.

Что дѣлать?

(Къ вопросу о борьбѣ съ сектантствомъ).

Въ первой статьѣ моей: «*Что дѣлать?*» (Еп. Вѣд. 1911 г. № 38) я выразилъ ту мысль, что внутренняя наша противо-сектантская миссія, при современномъ ея устройствѣ и при современныхъ требованіяхъ отъ нея въ борьбѣ съ сектантствомъ и другими лжеученіями, должна быть совсѣмъ реорганизована заново и поставлена совершенно на новыхъ началахъ, чтобы стоять на высотѣ своего положенія и быть *жизненною и дѣйствительною*. Я привелъ цѣлый рядъ мнѣній нашихъ Архипастырей о неустройствѣ и ненормальномъ положеніи нашей внутренней миссіи и ея безжизненности.

Въ настоящей статьѣ я желалъ бы привести еще нѣсколько мнѣній нашихъ передовыхъ и боевыхъ миссіонеровъ — г.г. Боголюбова, Кальнева и др., — какъ эти испытанные борцы съ сектантствомъ смотрятъ на организацію нашей современной внутренней миссіи. Херсонскій миссіонеръ Кальневъ въ изданной имъ въ 1911 году новой книгѣ: — „Русскіе Сектанты“, въ статьѣ: *Что дѣлать?* пишетъ слѣдующее: „ненормальное положеніе современной нашей миссіи давно уже и ясно сознается и высшею церковною властію, и іерархами, и духовенствомъ, и специальными дѣятелями миссіи, и всѣми, кто только интересуется и сочувствуетъ ей, и даже тѣми, кто ее не любитъ“... „Незначительный и слишкомъ ужъ скромный бюджетъ расходуемыхъ на внутреннюю миссію суммъ, при существованіи въ необъятной Россіи многочисленныхъ и разнообразныхъ видовъ раскола и сектантства..., отсутствіе во многихъ епархіяхъ правильной организаціи миссіонерскаго дѣла и единства планомѣрной дѣятельности его представителей, — показываютъ намъ, что дѣло православной внутренней миссіи у насъ въ забвеніи, что оно не живетъ, а прозябаетъ, не со-

грѣтое теплымъ лучемъ любви и вниманія и должной заботы о немъ“... *«При нынѣшней организаціи и направленіи приходской и спеціальной мисси она никогда не будетъ имѣть должнаго успѣха; лишь слабо защищая православныхъ отъ многочисленныхъ лжеучителей, она никогда не можетъ перейти въ давно необходимое противъ нихъ наступленіе, она будетъ только мечтать объ этомъ, видя со скорбью все новыя и новыя отпаденія отъ церкви»*¹⁾...

Петербургскій миссіонеръ г. Боголюбовъ въ своей книгѣ: „религіозно-общественныя теченія въ современной русской жизни и наша православно-христіанская миссія“ на стр. 243 пишетъ слѣдующее: „У нашей церкви есть внутренняя миссія, но дѣятели ея несогласованно понимаютъ задачи своей „службы“, до злобнаго расхожденія между собою они истолковываютъ разныя методы воздѣйствія на мятущихся современниковъ.

И спорятъ между собою, повидимому, даже мало заботясь объ идейномъ соглашеніи, а больше о торжествѣ „своей“ партіи“...

И въ другомъ мѣствѣ пишетъ: „до тѣхъ поръ, пока мы не поднимемъ духовно-культурный уровеньъ народа нашего, пока не пообчистимъ внѣшнее обличье своего религіознаго быта и т. д.,—до тѣхъ поръ борьба съ сектантствомъ для православной миссиіи останется дѣломъ чрезвычайно труднымъ».

Академическій журналъ—„Церковный Вѣстникъ“, говоря о неудовлетворительной и неправильной постановкѣ нашей внутренней миссиіи, пишетъ слѣдующее: „У насъ есть спеціальная, весьма шумливая организація миссіонерства, но при столкновеніи съ дѣйствительною въ ней потребностію она оказывается недостаточною.

¹⁾ Кальневъ. «Русскіе сектанты». Стр. 326—327.

Ей не хватает органической связи съ населеніемъ, той духовной близости, которая вызываетъ довѣріе, расположеніе, сознаніе духовнаго сродства съ носителемъ евангельскаго благовѣстія, а задорная логомахія, опирающаяся на одни только внѣшніе аргументы, никогда не создавала атмосферы благопріятной для возвращенія заблуждающихся въ лоно православной церкви“...

Я могъ бы и еще привести нѣсколько мнѣній другихъ нашихъ миссіонеровъ о неустройствѣ и безжизненности нашей современной внутренней миссіи, — но, думаю, довольно и этихъ, и отъ нихъ вѣтъ какимъ-то леденящимъ холодомъ и безотраднымъ пессимизмомъ. Не это-ли безотрадное положеніе внутренней нашей миссіи и ея безжизненность побудили Епископа Вологодскаго Никона высказать слѣдующія горькія слова: „Теперь рѣшается серьезный вопросъ: быть или не быть нашему народу православнымъ? Стоять или не стоять православію на Руси“? („Думы и заботы Архипастыря“).

Не правда ли, какимъ отчаяніемъ и какимъ пессимизмомъ вѣтъ отъ этихъ словъ Архипастыря?!

Что же намъ теперь дѣлать? Сложить ли безпомощно руки и съ болью въ сердцѣ смотрѣть, какъ гибнетъ подъ напоромъ безвѣрія и сектантскихъ лжеученій все домостройство Божіе на землѣ, или же наоборотъ: собрать всѣ свои духовно-нравственныя силы и бодро выступить на борьбу съ сектантствомъ и другими лжеученіями? Плохіе тѣ воины, которые, увидя еще издалека непріятеля, въ паническомъ страхѣ бросаютъ оружіе и обращаются въ постыдное бѣгство. Не уподобимся мы, пастыри и духовные вожди, этимъ робкимъ воинамъ, да не обратимся и мы въ постыдное бѣгство.

У насъ есть вѣрный и непобѣдимый кормчій—Иисусъ Христосъ, Который сказалъ Своимъ Апостоламъ: „въ мірѣ

скорби будете: но дерзайте, яко: Азъ побѣдихъ мѣръ“ (Іоан. XVI, 33). Еще нужно помнить: „Борьбою и подвигами жила церковь въ цвѣтуція времена своего прошлаго, ими же она и возродится. Церковь Христова непобѣдима: ея не одолѣють и врата адовы“.

И это еще нужно помнить: „Православная церковь, основанная на крови мучениковъ и праведниковъ, можетъ не бояться нападеній на нее иновѣрныхъ и сектантскихъ пропагандъ, разъ пастыри ея съумѣютъ вложить въ души своей паствы христіанско-православное вѣроученіе“...

Но прежде чѣмъ намъ, пастырямъ православной церкви, вступить въ серьезную духовную борьбу съ сектантствомъ,—необходимо точнѣе и правильнѣе уяснить себѣ, что такое, въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время представляетъ изъ себя русское сектантство вообще, и какова его общая догма?

Безъ основательнаго изученія сектантства и всѣхъ его разновидностей, намъ, пастырямъ, трудно бороться съ нимъ, чтобы быть достойнымъ своего призванія и положенія. Чтобы вступить въ серьезную духовную борьбу съ врагами православной церкви, нужно сначала хорошенько изучить врага: сильныя и слабыя его стороны.

Итакъ, что же такое русское сектантство?

На этотъ вопросъ—какъ въ духовной, такъ и свѣтской литературѣ существуетъ много разнообразныхъ и различныхъ сужденій и мнѣній. Свѣтскіе писатели и вся наша, такъ называемая, интеллигенція смотрятъ на русское сектантство, какъ на „явленіе въ высшей степени отрадное и прогрессивное, какъ на свободный порывъ къ свѣту, какъ на идеальное стремленіе къ разумной христіанской добродѣтели и устроенію по ея началамъ частной, семейной и общественной жизни“; а причины его происхожденія полагаютъ въ томъ, что „въ наше культурное и просвѣщенное время уже нельзя

будто-бы находить удовлетворенія возвышеннымъ запросамъ духа и религіознаго самосознанія въ церкви—учрежденіи средневѣковаго византизма, застывшемъ уже давно, въ своемъ движеніи отсталомъ, безжизненномъ, мертвомъ. Сектанты, по ихъ мнѣнію, люди передовые, мыслящіе, безкорыстно ищущіе правды жизни и желающіе уяснить себѣ истинный смыслъ своего бытія, цѣль своего существованія. Ихъ религія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ философія, ихъ народная поэзія“. Итакъ, вотъ взглядъ свѣтской литературы и большинства нашей интеллигенціи на наше русское сектантство. Но то ли, на самомъ дѣлѣ, и въ дѣйствительности представляетъ изъ себя русское сектантство?

Что наше русское сектантство не есть явленіе самобытное, самородное или самостоятельное [въ смыслѣ произведенія русскаго національнаго творческаго генія, даже въ смыслѣ раскрытія русскаго народнаго самосознанія, этого нѣтъ нужды и доказывать.

Кто же будетъ отрицать, что *штунда* и *баптизмъ*, какъ свидѣтельствуя и самыя ихъ названія, порождены *нѣмецкимъ протестантствомъ*; *пашковщина* насаждена англійскимъ лордомъ Редстокомъ, *адвентизмъ*—американцемъ Вильямомъ Миллеромъ, *молоканство*—квакерами, а наше пресловутая *толстовщина*—есть результатъ вліянія пантеистической и матеріалистической западно-европейской философіи?

То же самое пантеистическое вліяніе язычествующей въ христіанствѣ мысли сказалось и въ другихъ видахъ русскаго сектантства:—хлыстовствѣ, скопчествомъ, духоборчествомъ, іеговизмѣ и др. Какъ же послѣ этого говорить о самобытности русскаго сектанства, о творчествомъ русскаго народнаго генія? Оказывается—въ русскомъ сектанствѣ почти все—чужое!

Но и этого мало. Сектантское лжеученіе вообще не можетъ похвалиться богатствомъ своего содержанія. Видноѳ

мѣсто въ немъ занимаютъ только *отрицательныя* черты: нападки на ученіе и обряды Православной церкви, отрицаніе Св. Преданія, какъ источника богопознанія, церкви, — какъ Божественнаго учрежденія; отрицаніе священной іерархіи, таинствъ, внѣшняго богопочитанія, почитанія Божіей Матери, ангеловъ и св. угодниковъ; почитанія св. мощей, молитвъ за умершихъ, значенія добрыхъ дѣлъ и христіанскихъ подвиговъ, постовъ, почитанія честнаго креста, иконъ, и пр. пр. Но и эта отрицательная сторона въ сектантствѣ ничуть не оригинальна и не самостоятельна: она цѣликомъ заимствована изъ протестантизма. Что протестанты со времени Лютера возражали католичеству, то теперь наши сектанты повторяютъ въ отношеніи къ Православной церкви; переводъ, такимъ образомъ, съ нѣмецкаго сдѣланъ безъ всякихъ исправленій и дополненій.

Что же касается *положительнаго* ученія нашихъ сектантовъ всѣхъ видовъ и наименованій, то оно чрезвычайно скудно, неоригинально и настолько поверхностно, что сами сектанты не особенно дерзаютъ раскрывать его и опираться на него въ своихъ собесѣдованіяхъ съ православными миссіонерами, благоразумно стараясь скрыть его отъ посторонней критики, и предпочитая ограничиваться своими отрицаніями и нападками на ученіе и обряды Православной Церкви ¹⁾.

Даже самое отношеніе нашихъ сектантовъ рационалистовъ-штундистовъ и баптистовъ къ Евангелію, —этой самой главной святой книгѣ, на которой они стараются основать все свое вѣроученіе, — и то поражаетъ всякаго истиннаго православнаго сына Церкви Христовой. Тотъ, кто наблюдалъ и изучалъ штунду въ началѣ ея исторіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда все религіозное содержаніе ея заключалось въ благочестивыхъ упражненіяхъ:

¹⁾ Прот. Буткевичъ. «Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ» стр. 3—4.

въ чтеніи Евангелія, въ пѣніи духовныхъ стиховъ и молитвенныхъ импровизаціяхъ, часто сопровождавшихся вздохами и слезами, въ настоящее время удивился бы тому перевороту, какой совершился въ отношеніи штундистовъ къ Евангелію. Штундистъ первоначальной формаціи вѣрилъ въ то, что Христосъ искупилъ его, любилъ Христа, читалъ Евангеліе и плакалъ; отрицаніе его сводилось къ тому, что онъ ничего не хотѣлъ знать, кромѣ искупившаго его Христа. Евангеліе для него, дѣйствительно, было книгой жизни, по которой онъ стремился перестроить свою личную жизнь во всемъ ея объемѣ. Этотъ періодъ въ исторіи нашей штунды, продолжавшійся, впрочемъ, очень короткое время, можно назвать періодомъ *нэттистическимъ*. Отношеніе современнаго штундиста ко Христу и Евангелію совершенно противоположнаго характера.

Современный штундистъ также много говоритъ о своей любви ко Христу и очень усердно читаетъ Евангеліе, но онъ любитъ Христа, не какъ Бога Испытателя, не какъ нравственный идеалъ, но какъ соціально-политическаго дѣятеля, какъ реформатора; онъ любитъ не Евангельскаго Христа, а „своего“, котораго создало его воображеніе, подъ вліяніемъ впечатлѣній матеріальной жизни, придавъ ему черты соціальнаго реформатора.

Въ Евангеліи современный штундистъ ищетъ не правилъ нравственной жизни, не „глаголовъ жизни вѣчной“, но оправданія своихъ соціальныхъ и общественно-экономическихъ чаяній; онъ смотритъ на Евангеліе, какъ на кодексъ правилъ соціальной и общественно-экономической жизни, и потому не духъ свой устрояетъ по Евангелію, а наоборотъ: приспособляетъ Евангельскіе тексты къ своимъ воззрѣніямъ, созданнымъ подъ вліяніемъ условій матеріальной жизни. Догматическая сторона ученія въ Евангеліи для штундиста имѣетъ мало цѣны: онъ ищетъ въ Евангеліи, какъ сказано вы-

те, прежде всего разрѣшенія задачъ практической жизни и ему приносить въ жертву самыя высокія *нравственно-догматическія истины*...

Тоже самое мы видимъ и замѣчаемъ въ баптизмѣ. Яркимъ и краснорѣчивымъ выраженіемъ баптистской догматики служатъ слова и рѣчи представителей баптизма на „всемирномъ конгрессѣ баптистовъ въ Лондонѣ въ 1905 году“. На этомъ конгрессѣ пасторъ Фриманъ изъ города Торонто въ Канадѣ, между прочимъ, докладывалъ конгрессу: „основной и фундаментальный баптистскій принципъ слѣдующій: сильное, живое и сознательное убѣжденіе во владычествѣ надъ душами нашими Христа, вмѣстѣ съ твердымъ намѣреніемъ достигнуть полного и вѣчнаго признанія надъ собой его личной, прямой, единой и никому не *передовѣряемой* (?) власти надъ человѣческими душами. Это для насъ, говоритъ Фриманъ, главный фактъ духовнаго опыта, это, такъ сказать, центръ нервной системы баптистскаго народа; это—позвоночный столбъ нашего богословія; это—краеугольный камень нашей церковной организаціи; это главная движущая сила нашей надежды; это—вѣнецъ нашей радости... изъ этого коренного соображенія происходятъ, какъ вѣтви, всѣ наши прочіе принципы“. И далѣе: „Въ дѣлѣ спасенія не можетъ быть допускаемо никакого посредничества, какъ не можетъ быть допускаемо никакого исполненія духовныхъ обязанностей чрезъ посредство уполномоченныхъ поручителей въ родѣ крестныхъ отцовъ и матерей, какъ невозможно, чтобы одинъ человѣкъ могъ вѣровать или невѣровать за другого“. „Съ самаго начала и до послѣднихъ дней мы не переставали протестовать противъ суевѣрнаго подчиненія человѣческой души церемоніальнымъ обрядамъ и внѣшнимъ церковнымъ обрядностямъ. Иначе мы дѣйствовать не могли, ибо нашъ *основной принципъ кладетъ свою стѣкуру къ корнямъ всѣхъ церковныхъ таинствъ и всякаго освященія*

чрезъ посредство чловѣковъ“... „Спасеніе не совершается посредствомъ обрядовъ; спасеніе совершается только прямымъ прикосновеніемъ Христа къ чловѣческой душѣ“.

Эти слова въ значительной степени выясняютъ предъ нами характеръ и основныя черты вѣроученія баптистовъ.

Всматриваясь ближе въ эти черты, мы ясно замѣчаемъ въ нихъ признаки первоначальнаго нѣмецкаго происхожденія. Съ одной стороны—протестантское ученіе о священническомъ достоинствѣ каждаго вѣрующаго, о непосредственномъ общеніи души чловѣка съ Богомъ, съ другой—раціоналистическая тенденція, которая заводитъ баптизмъ гораздо далѣе протестантизма, хотя бы въ отрицаніи таинствъ и обрядности. Съ одной стороны, — полное игнорированіе установленнаго издревле, въ вѣкѣ Апостольскій, пониманія Евангелія, съ другой—крайнее довѣріе къ голосу собственнаго разума, очевидно, живущаго воспоминаніями эпохи реформаціи.

Развѣ, на самомъ дѣлѣ, не головныя, не логическія соображенія привели баптистовъ къ отрицанію таинствъ и обряда? Развѣ не раціонализмъ разорвалъ для нихъ ту драгоценную одежду вѣры, въ которую горячо стремится облечь себя всякое живое, непосредственное религіозное чувство?...

Такъ, *«догматъ индивидуализма»*, по выраженію пастора Фримана, составляетъ, подлинно, *жизненный нервъ* не только вообще баптистовъ, но и многихъ другихъ сектантовъ. Этотъ *догматъ* побуждаетъ сектантовъ искать живого и личнаго общенія со Христомъ; этотъ *догматъ*, правда, спасаетъ многихъ изъ нихъ отъ нравственной распущенности; *догматъ* этотъ закаляетъ въ нихъ фанатизмъ и плодитъ между ними назойливыхъ пропагандистовъ,—но онъ же, въ своей исключительности проведенный и по-сектантски истолкованный, разрушаетъ *въру въ церковь, какъ въ живое тѣло Христосо*,—и христіанство обращаетъ въ философско-богословскую систему, каждымъ на свой ладъ понимаемую

и толкуемую. „Этотъ баптистскій принципъ“, въ сущности, *мертвая петля* для историческаго христіанства, и служить тою почвою, на которой, какъ грибы послѣ дождя, вырастаютъ самыя фантастическіе религіозныя толки.

Съ этой точки зрѣнія баптизмъ есть доктринерское воззваніе, онъ представляетъ собою *логическую схему*, а не *религію* въ полномъ смыслѣ слова, которая обнимаетъ всю душу человѣка, которая выражаетъ чувство человѣка прежде всего ..

И въ самомъ дѣлѣ, баптисты и другіе сектанты, поставившіе „догматъ индивидуализма“ *выше соборной церковности* въ христіанствѣ, что представляютъ изъ себя на Руси святой? Есть у насъ *молокане-уклеинцы*, стремящіеся къ личному, живому и сознательному общенію со Христомъ. Они признаютъ *всю Библію*, но отвергаютъ всѣ обряды и таинства: крещеніе, причащеніе, руковожденіе на священство и пр., считая все это „*мертвымъ*“ *обрядомъ*.

Баптисты, съ особою притязательностію говорятъ о догматѣ религіознаго индивидуализма, однако это не помѣшало имъ далеко уйти отъ молоканства, поработивъ себя тому, что молокане презрительно съ своей стороны называютъ „мертвымъ обрядомъ“. Есть у насъ „*адвентисты*“ — это уже композиція изъ невѣрнаго еврейства съ сектантскимъ христіанствомъ, это — провозглашеніе независимой силы и въ Христіанствѣ по-еврейски понимаемаго „Десятословія“; это — уступка невѣрному вѣку въ отрицаніи безсмертія души и въ ожиданіи 100-лѣтняго царства правды для однихъ „избранныхъ“, гдѣ-то между небомъ и землей...

Ясно, что означенный „догматъ“ — это не что иное, какъ форма, въ которую можно наливать разную жидкость, и жидкость эта отъ того не приметъ осязательныхъ очертаній. И потому „позвоночнымъ столбомъ“ для христіанства вообще служатъ не сектантскій индивидуализмъ, а именно

„*соборная церковность*“, которой и ввѣрено высшее храненіе Христовой истины...

Но въ виду того, что всѣ сектанты рационалисты очень крѣпко держатся за „*догматъ индивидуализма*“, намъ, пастырямъ православной церкви, для пониманія *психологии сектантовъ* ни на одну минуту нельзя упускать изъ виду ихъ *«жизненнаго принципа»*.

Послѣдовательно проведенный сектантами, принципъ этотъ разлагаетъ единство церкви Христовой; но взятый условно, на фонѣ нашей жизни,—этотъ принципъ имѣетъ свое значеніе и тѣмъ онъ весьма дорогъ сектантамъ. Наша жизнь свидѣтельствуется, что въ нее вливаются безпутныя поступки духовно-спящихъ христіанъ; въ нашей жизни обрядовѣріе, порою, прикрываетъ беспросвѣтную мелу ханжества, лицемѣрія, жадности и др. пороковъ. *У насъ, правда, въ массу вѣра и жизнь—это двѣ несогласованныя области...*

На это постоянно указываютъ намъ сектанты.

Поэтому мы, пастыри-миссіонеры, не словами, не разговорами можемъ вывести сектантовъ изъ занятой ими позиціи. Жизни ихъ—мы должны противопоставить жизнь истинно Христіанскую, поступкамъ—поступки, но не во имя ихъ принципа индивидуализма, а по любви къ своей—святой, соборной и апостольской церкви, коей мы должны быть живыми, здоровыми и спасающимися отъ грѣха членами...

О томъ, какой должна быть наша внутренняя миссія при современныхъ требованіяхъ отъ нея, и какъ мы, православные пастыри, должны въ настоящее время вести духовную борьбу съ сектантами, мы поговоримъ въ слѣдующій разъ...

Свящ. *Петръ Петровъ*.

Къ борьбѣ съ сектантами.

Въ Волынскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (№ 4) одинъ священникъ пишетъ: „сектанство—порожденіе, слѣдствіе вынужденныхъ поборовъ духовенства“. Такому заявленію священника „Миссіонерскій Сборникъ“ удивляется и устами г. В. Зарайскаго говоритъ: „Нѣтъ! Появленіе сектантства есть не порожденіе или слѣдствіе только вынужденныхъ поборовъ духовенства (хотя и это имѣло значеніе въ происхожденіи нѣкоторыхъ сектъ), а слѣдствіе главнымъ образомъ вообще нерадѣнія духовенства, плохихъ пастырей церкви, которые не сумѣли сохранить свою паству и просвѣтить ее евангельскимъ ученіемъ, а она въ поискахъ его разбѣжалась къ самозваннымъ проповѣдникамъ ¹⁾).

Мы бы съ величайшею радостью запротестовали противъ такой отповѣди Мис. Сборника Волынскимъ Вѣдомостямъ, если бы на дняхъ не получили отъ одного простеца, ревнителя православія, письма, въ которомъ онъ пишетъ; „За послѣднее время мнѣ приходится выслушивать, что молъ вѣра у насъ пошатнулась чрезъ пастырей. У такихъ я спрашивалъ—да чѣмъ же виновны пастыри? Развѣ они въ храмѣ учатъ грабить, пьянствовать, воровать? Вѣдь у насъ пастыри учатъ и наставляютъ насъ, по Слову Свящ. Писанія, любить ближняго, какъ самого себя, они напоминаютъ слова Апостола, что блудники и пьяницы царствія Божія не наслѣдуютъ. На такія рѣчи я получалъ въ отвѣтъ: да, это такъ, но они только насъ учатъ, а сами... играютъ въ карты, курятъ, въ посты скоромное ѣдятъ. А намъ говорятъ, что все это грѣхъ. Они не вѣрятъ въ то, чему другихъ учатъ. Къ нимъ не подступиться... Когда говорятъ такія слова, продолжаетъ мой знакомый простецъ, то очень прискорбно бываетъ на душѣ. И такія рѣчи приходится выслу-

¹⁾ Миссіонерскій Сборникъ, 1912 г., январь, стр. 75—76.

шивать почти на каждомъ шагу, а опровергать ихъ *труднѣе всего*.

Что сказать противъ этихъ простыхъ, но, увѣрены, искреннихъ словъ?

Нужно, конечно, согласиться, что значительная часть духовенства еще почему то не старается прійти къ тому заключенію, что сектанство—сила, съ которой надо уже считаться, что оно иногда (очень часто) вырастаетъ на почвѣ стремленія къ богоугодной, истинно-христіанской жизни. Въ доказательство я приведу хотя бы такой примѣръ: въ Валуйскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, въ приходѣ с. Новоцаяловки свило себѣ прочное гнѣздо скопчество, исторія котораго, судя по архивнымъ даннымъ Консисторіи, приблизительно такова: сперва образовалось маленькое общество, члены котораго собирались почитать и побесѣдовать „о Божественномъ“. Мѣстное духовенство скорѣе всего не обратило своевременно на это общество своего отеческаго вниманія и поэтому, когда сюда явились „проповѣдники и проповѣдницы“, члены кружка почти всѣ поголовно сдѣлались самыми усердными послѣдователями „новыхъ проповѣдниковъ“. А если-бы духовенство отнеслось иначе къ этому кружку, тогда, можно быть даже увѣреннымъ, это общество явилось бы пожалуй защитникомъ православія противъ новыхъ проповѣдниковъ. Или другой примѣръ,—примѣръ, такъ сказать, вчерашняго дня. Въ одной большой и торговой слободы появился баптизмъ. Нѣкоторые крестьяне и особенно женщины заволновались. Послѣднія чуть не передрались въ спорѣ по религіознымъ вопросамъ.

Когда Миссіонерскій Совѣтъ, узнавъ объ этомъ, запросилъ мѣстнаго о. настоятеля о появившемся баптизмѣ, послѣдній отвѣтилъ, что „открытаго сектанства“ въ его приходѣ нѣтъ. Какъ же такъ?

Или до Миссіонерскаго Совѣта дошли невѣрные слухи?!

Все это мы пишемъ, говорю искренно, съ сердечною болью. Мы далеки отъ мысли кого-нибудь этимъ обвинять. Зачѣмъ? Но намъ хочется громко сказать: пастыри! сектанство растетъ, ваша паства уходитъ отъ васъ. Силою евангельскаго слова, силою той благодати, которая почиваетъ на васъ, удержите свою паству около себя. Подойдите къ ней поближе...

Сектанство растетъ... Въ самомъ дѣлѣ, какъ за последнее время усилилась пропаганда сектантовъ въ предѣлахъ нашей губерніи!

Баптизмъ гордо поднялъ голову и его служитель—извѣстный В. Степановъ—кощунственно и открыто совершаетъ уже въ присутствіи многихъ „преломленіе хлѣбовъ“. Какая-то Терезія Киршъ свободно разъѣзжаетъ по Новохоперскому уѣзду и проповѣдуетъ тотъ-же баптизмъ. Изъ Новгородской губерніи появились сектанты іоанниты, которые уже посѣяли свои зловредныя сѣмена въ томъ-же пресловутомъ Новохоперскомъ уѣздѣ. Усиливается секта новоизраильтянъ, скопцовъ и т. д. Свѣтская власть чаще и чаще доноситъ Епархіальному Начальству о совратившихся въ сектантство. Носится слухъ, что и въ Воронежѣ, гдѣ почиваетъ великій *православный* христіанинъ—Св. Митрофанъ,—идетъ пропаганда баптизма. Что будетъ дальше?—невольюно возникаетъ вопросъ.

И опять взоры обращаются съ надеждой на пастырей. Но... сумѣютъ ли они противоборствовать сектантской пропагандѣ? Необходимо пастырямъ сговориться, дружнѣе сплотиться. А этому будетъ способствовать епархіальный пастырскій съѣздъ духовенства для рѣшенія вопросовъ исключительно миссіонерскихъ.

Къ этому епархіальному съѣзду Миссіонерскій Совѣтъ уже начинаетъ готовиться.

Скорѣе бы...

Т. Олейниковъ.

На собраніи у воронежскихъ сектантовъ-баптистовъ.

Съ чувствомъ необыкновенной, серьезной боли пишу и произношу слова: *воронежские сектанты-баптисты...* И такъ, здѣсь, гдѣ сіялъ и сіяетъ лучъ православной вѣры Христовой, гдѣ жили и подвизались такіе ревнители Православія, какъ Св. Митрофанъ и Тихонъ, здѣсь, гдѣ почи-ваютъ цѣльбоносныя мощи покровителя и заступника всего воронежскаго и вообще всего православнаго русскаго края— Св. Митрофана, здѣсь, въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ Воронежѣ, появились и вьютъ себѣ гнѣздо сектанты-баптисты, которые вышли отъ насъ, христіанъ, которые перешли къ иному благовѣствованію, которые, принявшись учить себя и другихъ, „превращаютъ Писанія“, „превращаютъ благовѣствованіе Христово“, которые „повреждаютъ Слово Божіе“, вообще „говорятъ превратно и пустословятъ“ (2 Петр. Ш. 16; Гал. I, 6—7; 1. Іоан. II, 19; 2 Кор. II. 17; 1 Тимоѳ. I. 6; Римл. X. 3; 1 Тимоѳ. I. 7). Впрочемъ, это такъ и должно быть. Апостоль Петръ говоритъ: „Быша же и лживіи пророцы въ людехъ, якоже и въ васъ будутъ лживіи учителя, иже внесуть ереси погибели... И мнози послѣдствуютъ ихъ нечистотамъ, ихже ради путь истинный похулится“. (2 Петр. II. 1—2). Намъ, православнымъ, необходимо поэтому позаботиться о своемъ благочестіи, тверже держаться своего исповѣданія вѣры, намъ слѣдуетъ отъ этихъ лживыхъ учителей удаляться, дабы, сообщаясь съ ними, не повредить своего ума (Рим. IV. 4; Евр. IV. 14; 2 Тим. I. 8; Римл. XVI. 17; 1 Тим. VI. 3—4; Фесс. III. 6; 2 Кор. XI. 3—4).

О чемъ же говорятъ, чему учатъ баптисты? Ап. Павелъ пишетъ своему ученику Тимоѳею: „...нѣцыи уклонишася въ суесловія: хотяще быти законоучители, не разумѣюще, ни яже глаголютъ, ни о нихже утвер-

ждаютъ“ (1 Тим. I. 6—7). Эти слова Ап. Павла съ полнымъ правомъ необходимо отнести къ тѣмъ баптистамъ, ко всему тому, о чемъ они говорили и проповѣдывали 4 марта у себя на собраніи въ гор. Воронежѣ въ д. Ляхова № 6, по Богоявленской улицѣ.

Когда я пришелъ на собраніе, „правовѣрныхъ“ было совсѣмъ мало.

При входѣ въ „церковь“, ¹⁾ комнату, гдѣ происходятъ самыя собранія баптистовъ, меня встрѣтилъ мужчина выше средняго роста, который на мой вопросъ—можно присутствовать на собраніи?—отвѣтилъ полнымъ согласіемъ, добавивъ—„только безъ возраженій“.

Этотъ мужчина оказался потомъ главнымъ вождемъ воронежскихъ баптистовъ.

Я сѣлъ. Въ комнатѣ обычная обстановка. Столъ, стулья, по стѣнамъ картины съ изображеніемъ какой-то птицы, звѣря; на одной стѣнѣ повѣшены двѣ картонныхъ карточки, на которыхъ напечатаны выдержки изъ Св. Писанія. Иконъ, конечно, нѣтъ. Думаешь невольно—вотъ какая у нашихъ баптистовъ *церковь!* Какое противорѣчіе!—въ этой комнатѣ, увѣшанной картинами, молиться можно, это настоящая церковь; а вотъ наши, православные храмы, которые украшены не картинами, а изображеніями Того, Кто насъ спасъ, изображеніями Св. угодниковъ Божіихъ, Св. Богоматери... здѣсь молиться нельзя: это капища...

За столомъ сидитъ какой-то чиновникъ и читаетъ баптистскій журналъ „Баптистъ“. Молчаніе. Со мной вмѣстѣ вошелъ въ эту „церковь“ и одинъ о. діаконъ. Скоро къ нему подсѣлъ встрѣтившій меня мужчина, баптистъ, и сталъ предлагать ему разные вопросы, среди которыхъ до моего слуха долетѣлъ такой вопросъ: „а развѣ прилично православному

¹⁾ Такъ называлъ комнату, гдѣ собираются баптисты для своихъ моленій, самъ ихъ вождь г. Ходасевичъ.

священнику присутствовать на собраніи баптистовъ“? Мнѣ сильно хотѣлось за о. діакона на этотъ вопросъ баптиста отвѣтить вопросомъ же—развѣ у васъ какое-нибудь предосудительное, неприличное собраніе, что на немъ могутъ присутствовать лишь тѣ, кто привыкъ къ неприличію? Но промолчалъ, помня просьбу баптиста ко мнѣ—сидѣть и не возражать.

Опять молчаніе; его нарушилъ сидѣвшій у стола чиновникъ вопросомъ: Какъ это такъ? Вотъ въ этомъ журналѣ я прочиталъ рождественскій рассказъ, гдѣ говорится лишь объ одномъ Христѣ, но о Матери Его, Пречистой Дѣвѣ Маріи—ни слова.

Какъ же такъ? Какъ можно говорить о Христѣ, не упоминая совсѣмъ святого имени—Богоматерь? Послѣдній вопросъ былъ направленъ къ баптисту, который, волнуясь, сказалъ: за статью, которая мнѣ не принадлежитъ, я не отвѣчаю.

Такая хитрая и обычная для сектанта увертка вынудила меня сказать вопрошающему: насколько я знаю, баптисты не почитаютъ Дѣву Марію такъ, какъ мы. Для насъ Она—Богоматерь, Великая наша заступница, а для нихъ она не является такой.

Да не можетъ быть, заволновался чиновникъ; вся Европа почитаетъ Богоматерь, во всѣхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ Она прославляется.

Все это такъ, продолжалъ я; но вѣдь баптисты не признаютъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній. Мы распѣваемъ, напр., полные глубокаго значенія и смысла псалмы пророка Давида, разныя пѣснопѣнія, составленныя святыми отцами и учителями церкви, а они, какъ услышите сейчасъ, распѣваютъ слащавые, однообразные стихи Проханова, Фетлера изъ особаго сборника подъ заглавіемъ „Гусли“. Они насъ

упрекають, что мы во время своихъ богослуженій пользуемся пѣснопѣвнїями, составленными другими лицами, а не нами. Вотъ видите—намъ нельзя, за это они насъ, православныхъ, зазирають, а сами дѣлають тоже, въ чемъ насъ винять.

Въ время этого разговора баптистъ молчалъ, хотя, какъ видно было по его лицу, волновался. Наконецъ онъ не выдержалъ и сказалъ; мы здѣсь собираемся не для диспутовъ, а для того, чтобы помолиться Богу и послушать Слово Божіе. Да и вообще въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не сѣйся. Повторяю, не для диспутовъ мы сюда собираемся, а для молитвы, *это наша церковь.*

Какая церковь?—удивился чиновникъ; здѣсь я даже не вижу ни одной иконы, этой необходимой принадлежности и необходимаго украшенія каждаго храма Божьяго.

Да, это наша церковь, гдѣ нужно вести себя тихо и мирно, твердо сказалъ баптистъ.

Послѣ такого категорическаго заявленія пришлось умолкнуть.

Комната постепенно наполнилась. Среди собравшихся—значительное число мастеровыхъ. Всѣхъ собравшихся было человекъ 25—30. Скоро были розданы нѣкоторымъ присутствующимъ сборники разныхъ стиховъ подъ заглавіемъ „Гусли“. Стали откашливаться: собираются пѣть.

Т. М. Олейниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**ЗУБНОЙ
ВРАЧЪ С. И. КЛЯЧКО.**

Леченіе, пломбированіе зубовъ. Искусственные зубы.

Для г.г. духовныхъ и ихъ семействъ вполне доступныя условія.

Воронежъ, Большая Дворянская, д. Шуклина, № 36.

26—52

**СОДЕРЖАНІЕ
НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:**

Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ Кіевскій (1767—1837 г.).—

Воспитанника Ворон. Духовн. семинаріи VI кл. I отд. *Василія Саввина.*

Что дѣлать?—Свящ. *Петра Петрова.*

Къ борьбѣ съ сектантствомъ.—*Т. Олейникова.*

На собраніи у воронежскихъ сектантовъ-баптистовъ.—*Т. М. Олейникова.*

Объявленіе

При семъ номерѣ прилагается некрологъ Настоятеля Валуйскаго Успенскаго монастыря Архимандрита Игнатія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ.*

Печатать дозволяется. 11 марта 1912 г. И. д. Цензора Прот. Г. Алферовъ.

Воронежъ. Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцовъ в К^о», Б. Дворянская ул., д. Сомовъ.

НАСТОЯТЕЛЬ

Валуйскаго Успенскаго монастыря

Архимандритъ Игнатій,

управлявшій св. обителью съ 15 августа 1857 года
по 3 февраля 1912 г.

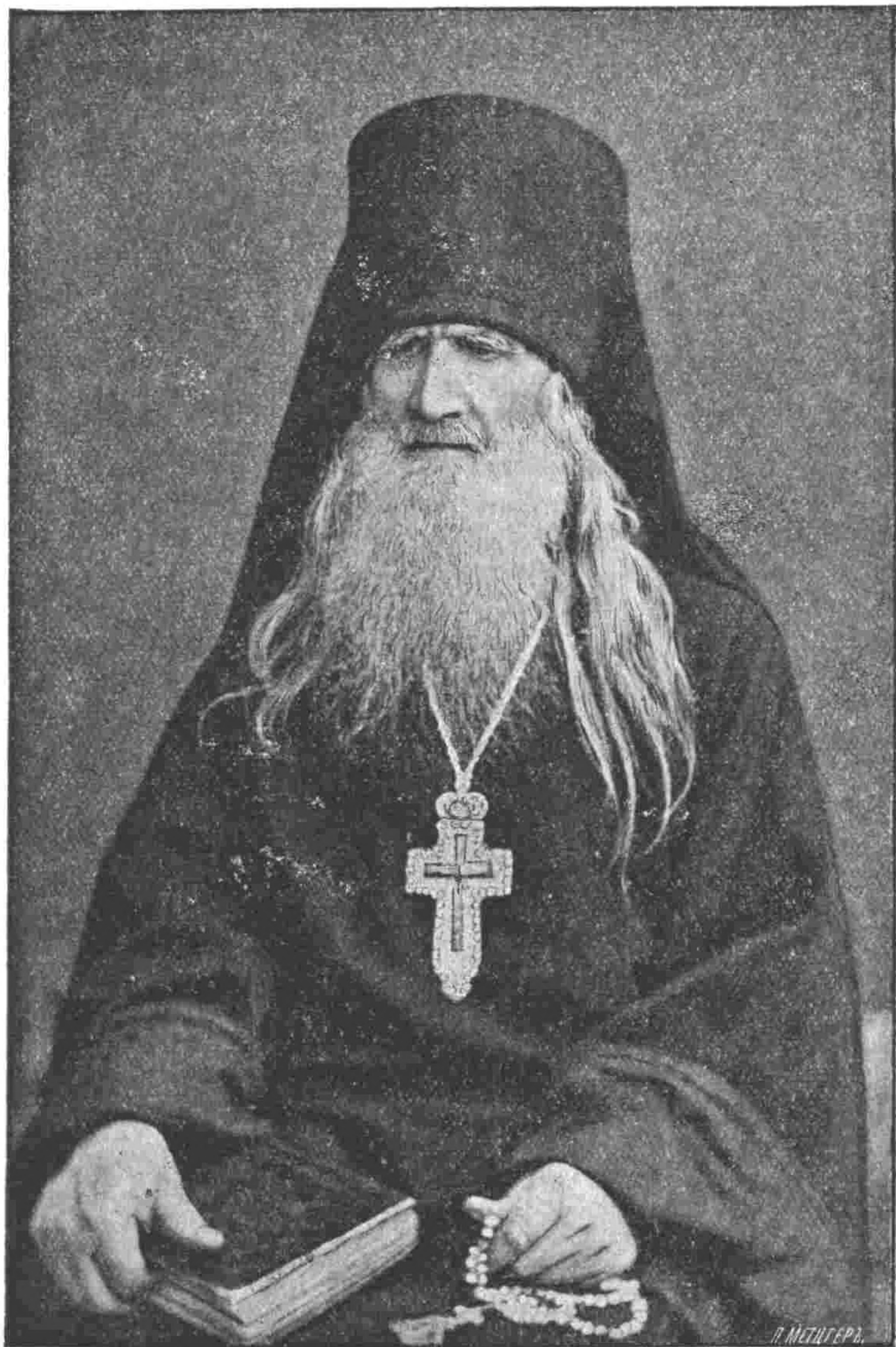

В О Р О Н Е Ж Ъ.

Типо-Литографія Г-ва „Н. Кравцовъ и Ко“. Б. Дворян. ул., д. Сомова.

1912.

Воронежъ. Печатать дозволяется. 28 февраля 1912 г. И. д. Цензора Прото-
іерей Г. Алферовъ.

Начальник Восточного Училища Академии
Св. Синода в Петербурге

Настоятель Валуйскаго Успенскаго монастыря Архимандритъ Игнатій, управлявшій св. обителью съ 15 августа 1857 г. по 3 февраля 1912 г.

3 февраля сего 1912 года, въ пятницу на Сырной недѣлѣ, въ 3 часа 13 минутъ по-полудни, мирно почилъ о Господѣ на девяностомъ году жизни Настоятель Валуйскаго Успенскаго Николаевскаго монастыря, Архимандритъ Игнатій. Личность этого маститаго старца и великаго подвижника тѣсно связана съ судьбой Валуйской обители, весьма много ему обязанной настоящимъ своимъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ благоустройствомъ, и вполне заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченной на страницахъ нашего мѣстнаго духовнаго органа. Заимствуемъ біографическія свѣдѣнія о почившемъ доблестномъ о. Архимандритѣ изъ его формулярнаго о службѣ списка и изъ нѣкоторыхъ его личныхъ воспоминаній и рассказовъ о своей жизни. О. Архимандритъ Игнатій, въ мѣрѣ Алексѣй Алексѣевичъ Алексѣевскій (прежняя его родословная фамилія была Ефремовъ) родился 17 марта 1822 года, въ день памяти св. Алексія челоуѣка Божія, въ селѣ Камызино, Коротоякскаго у., отъ священника Алексѣя Алексѣевича Ефремова и богобоязненной его супруги Марѣы Григорьевны, которая умѣлою рукою сѣяла сѣмена вѣры и благочестія въ юныя сердца своихъ дѣтей (семейство о. Алексеѣя состояло изъ пяти сыновей и трехъ дочерей). Первоначальное образованіе Алексѣй Алексѣевичъ получилъ въ Бирюченскомъ Духовномъ училищѣ, въ каковое былъ опредѣленъ на десятомъ году

жизни. Такое раннее опредѣленіе въ школу въ тогдашнее время было большою рѣдкостью. По окончаніи курса въ духовномъ училищѣ, онъ поступилъ для продолженія образованія въ 1840 году въ Воронежскую Духовную Семинарію, каковую и окончилъ съ званіемъ „студента“, какъ одинъ изъ выдающихся воспитанниковъ, въ 1845 году на 22 году отъ роду. Не думалъ Алексѣй Алексѣевичъ, по окончаніи курса въ Семинаріи, идти тою прямою дорогою, къ которой готовитъ своихъ питомцевъ Семинарія: у него была мысль тотъ часъ по выходѣ изъ Семинаріи поступить въ монастырь, но это намѣреніе не совсѣмъ нравилось его отцу, желавшему видѣть въ своемъ сынѣ работника на нивѣ Христовой въ санѣ священника.

Безропотно повинуюсь волѣ родителя въ полномъ убѣжденіи, что только благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ, Алексѣй Алексѣевичъ, по женитьбѣ на дочери Бирюченскаго купца Ольгѣ Григорьевнѣ Березкиной, 9 декабря 1845 года Преосвященнымъ Елиидифоромъ, Епископомъ Острогожскимъ, былъ рукоположенъ на вторую вакансію священника въ слободу Костомарову, Острогожскаго уѣзда, гдѣ со всѣмъ пыломъ своего вѣрующаго сердца отдался на служеніе великому дѣлу пастырства. Но Богъ не судилъ ему долго оставаться въ положеніи сельскаго священника. Свирѣпствовавшая въ 1847 году по Воронежской губерніи холера унесла въ могилу супругу о. Алексѣя Ольгу Григорьевну, а вскорѣ за симъ умеръ и сынъ его малютка Федя. Но молодой батюшка-вдовецъ не потерялся подъ вліяніемъ постигшаго его горя, не впалъ въ уныніе и ропоть. Своимъ вѣрующимъ сердцемъ онъ посмотрѣлъ на это тяжкое испытаніе, какъ на призывъ его къ осуществленію того намѣренія, которое онъ имѣлъ раньше, и которому измѣнилъ лишь изъ послушанія волѣ отца, какъ на призывъ къ монашеской жизни, и началъ приготовляться къ оной.

Въ 1852 г. 24 декабря о. Алексѣй по резолюціи Преосвященнаго Пареснія былъ принятъ въ число братіи Благовѣщенскаго Митрофанова монастыря. Здѣсь онъ скоро свыкся съ монашескою жизнію, которая вполнѣ отвѣчала запросамъ его души, и обнаружилъ качества, вполнѣ соотвѣтствующія иноческому образу жизни, вслѣдствіе чего по предложенію мудраго и дальновиднаго Архимастыря Іосифа въ 1854 г. 19 декабря принялъ монашество съ именемъ Игнатія въ честь св. священномученика Игнатія Богоносца, празднуемаго церковью 20 декабря. Молодому іеромонаху Игнатію постепенно поручается прохожденіе монастырскихъ должностей духовника, члена монастырскаго Правленія и Благочиннаго монастыря, каковыя должности онъ проходилъ съ особеннымъ усердіемъ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе Владыки Іосифа. Когда освободилось мѣсто строителя Толшевскаго монастыря, Преосвященный Іосифъ остановилъ свой выборъ на іеромонахѣ Игнатіи, на каковую должность онъ и былъ назначенъ въ мартѣ 1857 года, а 15 августа того же года съ тѣмъ же званіемъ „строителя“ былъ перемѣщенъ въ Валуйскій Успенскій Николаевскій монастырь, гдѣ и окончилъ свою жизнь, въ санѣ Архимандрита, состоя такимъ образомъ Настоятелемъ поименованнаго монастыря болѣе пятидесяти четырехъ лѣтъ, посвятивъ всего себя, всѣ силы своего свѣтлаго ума и любвеобильнаго сердца на благоустройство ввѣренной ему обители. Отмѣнная служба и дѣятельность о. Игнатія по управленію Валуйской обителью обращали на себя вниманіе Епархіальной Власти и послѣдняя отмѣчала его знаками отличія. Такъ, 17 іюля 1860 г. онъ былъ возведенъ въ санъ Игумена съ возложеніемъ палицы, а 22 іюня 1868 г. — въ санъ Архимандрита; 13 апр. 1863 г. награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ, и былъ Высочайше сопричисленъ къ орденамъ: 3 апр. 1875 г. — св. Анны 3 ст., 1 авг

1879 года—св. Анны 2 ст. и 1 августа 1890 года—св. Владимира 4 ст. Кроме сего ему дважды было преподано благословение Св. Синода: 7 мая 1867 г. безъ грамоты и 6 мая 1900 г. съ грамотою, а также 3 июня 1893 г. благословение и благодарность Высокопреосвященнаго Анастасія за труды въ дѣлѣ начального народнаго образованія,—имъ открыты на личныя средства школы при монастырѣ и въ сосѣдней съ монастыремъ слободкѣ. Кроме исполненія прямыхъ обязанностей по монастырю о. Архимандритъ Игнатій въ теченіи пятнадцати лѣтъ (съ 1890 г. по 1905 г.) состоялъ Благочиннымъ всѣхъ монастырей Епархіи—мужскихъ и женскихъ и въ этой службѣ заявилъ себя весьма дѣятельнымъ и мудрымъ администраторомъ. Высокопреосвященный Иосифъ такъ высоко цѣнилъ почившаго о. Архимандрита и довѣрялъ ему, что въ 1862 году поручилъ ему обозрѣніе всѣхъ церквей Валуйскаго уѣзда (самъ Владыка не могъ выѣзжать изъ Воронежа по болѣзни глазъ), каковое порученіе онъ исполнилъ съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ. вполнѣ оправдавъ высокое къ себѣ довѣріе Архипастыря, милостивымъ вниманіемъ котораго о. Игнатій пользовался и по увольненіи сего Архипастыря на покой вслѣдствіи болѣзни.

Личность о. Архимандрита Игнатія, его труды по благоустройству захудалой и разоренной Валуйской обители, его отношенія къ братіи и значеніе для окрестнаго и дальняго населенія, особенно для неимущихъ, достаточно, хотя и не вполнѣ, очерчены въ словѣ, произнесенномъ при погребеніи Протоіереемъ Г. Т. Алферовымъ. Поэтому, во избѣжаніе повтореній, мы скажемъ по тому же предмету слѣдующее. Служеніе о. Игнатія, какъ Настоятеля Валуйской обители, и по количеству лѣтъ и качественно является исключительнымъ за весь трехсотлѣтній періодъ ея существованія: такого искуснаго строителя, опытнаго хозяина-собирателя, неутомимаго труженика, дальновиднаго и умѣла-

го администратора, честнаго инока, служившаго для всѣхъ примѣромъ истинно монашеской жизни, не было въ Валуйской обители, да и едвали будетъ. Это, воистину, былъ свѣтильникъ на свѣщницѣ монастырской жизни, освѣщавшій путь къ святой и богоугодной жизни не для братіи только сей обители, но и для всѣхъ—ближнихъ и дальнихъ посѣтителей оной. Поэтому всѣ богемольцы считали своимъ долгомъ, своею неперемѣнною обязанностію принять благословеніе отъ старца-настоятеля, подѣлиться съ нимъ своими радостями и скорбями и услышать отъ него слово назиданія, ободренія, утѣшенія и вразумленія. Все, что сдѣлано о. Архимандритомъ Игнатіемъ въ его свыше полувѣковое управленіе Валуйскою обителью для ея внѣшняго и внутренняго благоустройства, не можетъ подлежать учету въ краткомъ очеркѣ,—все это составитъ богатый матеріалъ для будущаго безпристрастнаго историка Валуйской обители.

Вѣнцомъ благоустроенія обители свыше полувѣковыми трудами о. Игнатія явился новый строящійся величественный пятиглавый храмъ во имя святителя Христова и чудотворца Николая Мирликійскаго. Основаніе сему храму, съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, положено въ 1906 году въ память трехсотлѣтія славнаго царствованія Дома Романовыхъ и въ память трехсолѣтія со времени основанія монастыря Родоначальникомъ царствующей Династіи Государемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и обрѣтенія близъ онаго Чудотворной иконы Св. Христова и Чудотворца Николая (1613—1913 г.). Храмъ этотъ вчернѣ законченъ постройкой, остается внутренняя отдѣлка и постановка иконостаса. Освященіе сего храма предполагается 15 сент. будущаго 1913 года. Немало затратъ произведено о. Архимандритомъ на постройку какъ сего храма, такъ и другихъ монастырскихъ строеній. На вопросъ: „откуда вы берете средства на постройку такихъ капитальныхъ

зданій“, о. Игнатій обычно съ присущею ему скромностію и смиреніемъ отвѣчалъ: „Господь Богъ, Царица Небесная и Великій угодникъ Божій Святитель Христовъ Николай невидимо посылаетъ чрезъ видимыхъ благочестивыхъ благотворителей—добрыхъ людей, коими еще не оскудѣла наша матушка Св. Русь Православная“. Такъ у него была глубока вѣра въ Бога и надежда на помощь добрыхъ людей! Только съ такою вѣрою и надеждою можно браться за такія сложныя дѣла, которыя росли и высились въ Валуйской обители...

Въ наше злополучное время переоцѣнки цѣнностей, когда такъ много пишуть, а еще болѣе говорятъ противъ монашества, смѣло и открыто можно сказать всѣмъ и каждому отрицателю и поносителю монашества: „прійди и виждь, что сдѣлалъ доблестный и неутомимый настоятель для Валуйской обители, какъ онъ возстановилъ ее изъ развалинъ, сообщивъ ей своими трудами внѣшнее и внутреннее убранство, какъ онъ свѣтилъ своею доброю иноческою жизнію далеко за предѣлы монастыря; виждь и не поноси монашества“. Но какъ ни высока, какъ ни цѣнна была жизнь о. Архимандрита Игнатія, но однако по неизбѣжнымъ законамъ бытія не стало этого безцѣннаго и неутомимаго труженика—3 февраля онъ умеръ, вызвавъ общее сожалѣніе всѣхъ ближнихъ и дальнихъ почитателей его.

Въ послѣдніе годы, особенно въ прошломъ 1911 г., физическія силы, при глубокомъ возрастѣ, стали измѣнять о. Архимандриту Игнатію. Стали появляться частыя недомоганія, особенно сильно изнуряла его бессонница, которой онъ страдалъ давно. Но онъ, какъ говорится, не поддавался ничьимъ недомоганіямъ и работалъ безъ отдыха, бывалъ еже-
служба сообразно во всѣ воскресные и праздничные дни и
чтеніе акаѳистовъ въ положенные дни было неотложною по-
требностію души и дыханіемъ жизни усерднаго и неутоми-

мага молитвенника и благочестиваго подвижника священно-Архимандрита Игнатія.

Какъ въ прошлые годы, такъ и въ 1911 году онъ часто совершалъ соборне богослуженія, несмотря на слабость своего здоровья, а именно совершалъ: на Новый Годъ, на Крещеніе Господне, а затѣмъ и въ Воскресные дни Великаго поста, а также служилъ всю Страстную седмицу съ чтеніемъ Св. Евангелія и 5 дней Праздника Св. Пасхи, къ удивленію братіи и богомольцевъ обители.

Дѣйствительно, Небесный Покровитель Обители Святитель Христовъ Чудотворецъ Николай старческія силы его подкрѣплялъ, по крѣпкой его въ Него вѣрѣ. Служилъ также отецъ Настоятель соборне и въ послѣдующіе за праздникомъ Св. Пасхи воскресные и дванадцатые праздники: на первый и второй крестные ходы съ Чудотворнымъ образомъ Святителя Христова и Чудотворца Николая, на храмовой праздникъ обители—Успенія Пресвятыя Богородицы и наконецъ 14 сентября на праздникъ Воздвиженія Креста Господня, при чемъ за всеюнощнымъ бдѣніемъ износилъ и воздвигалъ Крестъ Господень по архіерейскому чину, издавна принятому въ обители и привлекающему массу богомольцевъ.

Предъ литургіей того же праздника читалъ акаѳистъ Божественнымъ Страстямъ Христовымъ.

Въ храмъ-же Божій и въ будніе дни, не смотря на болѣзнь, ходилъ ежедневно и братію къ тому-же побуждалъ. И каждый разъ, по прибытіи изъ утрени и отдохнувъ полчаса, онъ имѣлъ обыкновеніе до начала литургіи ходить по настоятельскимъ покоямъ съ молитвою и поясными поклонами

Лѣтомъ прошлаго 1911 года о. Архимандритъ Игнатій только однажды всходилъ на высоту строящагося Николаевского собора, и, конечно, всходилъ туда при помощи своихъ келейниковъ Іеромонаха Игнатія и монаха Θεодосія. Между тѣмъ въ прежніе годы онъ по нѣскольکو разъ всхо-

диль на постройку безъ сторонней помощи, интересуясь ходомъ работъ и давая при этомъ толковыя указанія рабочимъ.

Радовался старецъ Божій при видѣ уже приходящаго къ концу начатаго имъ великаго дѣла—постройки храма Божія, и взиралъ при этомъ на будущее съ полной надеждой, что силенъ Благій Богъ помочь обитателямъ обители совершенно докончить храмъ къ 15 сентября, трижды знаменательнаго, какъ сказано выше, юбилейнаго 1913 года

Послѣднюю службу Божію о. Архимандритъ Игнатій соборне совершалъ 25 сентября 1911 года, въ день памяти Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца.

При видѣ слабаго здоровья о. Настоятеля пищущій эти строки отклонялъ его отъ служенія; но онъ на это ему сказалъ: „нѣтъ, о. Игнатій, изъ Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ, сего Великаго Угодника Божія Преподобнаго Сергія, какъ печальника земли русской, я, грѣшный, особо чту и уважаю, а посему съ Божіею помощію соборне служу самъ“, и при этомъ, къ удивленію братіи, назначилъ для служенія съ нимъ по обычаю не двухъ іеромонаховъ, а шесть, и ризницу для служенія изъ лучшихъ.

На всенощномъ бдѣніи по обычаю выходилъ на литію и величаніе и самъ помазывалъ освященнымъ елеемъ молящихся. Такая торжественная и уставно совершаемая служба обычно продолжается около 5 часовъ.

Предъ литургіей на самый праздникъ 25 сентября о. Настоятель соборне читалъ акаѳистъ Преподобному Сергію.

По окончаніи литургіи онъ весьма усталый возвратился въ свою келлію.

26 сентября, на праздникъ Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, о. Настоятель хотя не могъ уже служить, но въ храмъ присутствовалъ и за литургіей и за вечерней, послѣ которой слушалъ акаѳистъ Спасителю.

И эта-то молитва за вечернимъ богослуженіемъ 26 сен-

тября маститаго о. Настоятеля Игнатія, бывшаго питомца семинарской семьи, гдѣ престольный храмъ во имя означеннаго Апостола, была послѣдней молитвой въ храмъ. Возвращаясь послѣ вечерни въ свои покои, онъ простудился при случившемся въ то время сильномъ вѣтрѣ съ дождемъ; и съ того времени слегъ въ постель; лежалъ недѣли двѣ опасно больной, но затѣмъ началъ было поправляться къ утѣшенію любящей его братіи и богомольцевъ.

Могъ ходить въ своихъ покояхъ, конечно, при помощи келейниковъ, и въ одинъ изъ такихъ дней, а именно 10 октября старецъ Божій, прохаживаясь въ своихъ покояхъ, изъ оконъ залы смотрѣлъ на оконченный уже вчернѣ новый соборъ, на вершинѣ коего предъ замычкой главнаго купола пишущій эти строки съ братією совершалъ молебенъ Святителю Христову и Великому Чудотворцу Николаю съ освященіемъ воды; при видѣ чего маститый Настоятель мысленно принималъ участіе въ молитвѣ, благодарилъ Господа Бога и Его Великаго Угодника Св. Николая за успѣхъ въ дѣлахъ постройки храма.

Со дня болѣзни о. Настоятеля до самаго дня блаженной кончины его любящей его братіей какъ въ храмъ Божіемъ, такъ и въ своихъ келліяхъ, возносилась Господу Богу горячая молитва о выздоровленіи его, и не только братією, но усердно молились и богомольцы обители, странники и нищіе, которыхъ, по заведенному о. Настоятелемъ обычаю, обитель обогрѣваетъ и кормитъ ежедневно въ страннопріимницѣ монастырской безмездно.

Въ покояхъ же о. Настоятеля, гдѣ находился больной, Іеромонахомъ Игнатіемъ ежедневно совершаемы были молебны о болящемъ, съ чтеніемъ разныхъ акаѳистовъ по указанію самого больного.

А также ежедневно утромъ и вечеромъ сямъ-же Іеромонахомъ и монахомъ Θεодосіемъ вычитывалось монашеское

правило, каковое онъ выслушивалъ съ умиленіемъ, молясь колѣнопреклоненно, а въ послѣднее время, при ужасной боли головной отъ малокровія и упорнаго кашля — сидя, или даже лежа въ постели, часто при этомъ полагая на себѣ крестное знаменіе.

По окончаніи же правила и отпуска съ крестомъ, подавались ему для лобзанія Св. Иконы, находящіяся въ его келліи...

Дважды надъ нимъ было совершено таинство елеосвященія, исповѣдывался же онъ и приобщался Св. Христовыхъ Таинъ еженедѣльно, а иногда два и три раза въ недѣлю.

Къ медицинской помощи старецъ Божій весьма не долюблявалъ прибѣгать, и если иногда обращался, то только благодаря усердной просьбѣ любящей его братіи, а также и почитателей его изъ гражданъ гор. Валукъ, особенно г. Исправника М. З. Тархова, котораго о. Настоятель уважалъ и любилъ за его религіозность; при этомъ пишущій эти строки позволялъ себѣ даже увѣщевать о. Настоятеля лѣчиться, со ссылкой на слово Божіе, которое говоритъ: „даждь мѣсто врачу, Господь бо его созда: и да не удалит-ся отъ тебе, потребенъ бо ти есть“ (XXXVIII, 12) и „злакъ на службу челоукомъ“ (Псал. СІІ, 14).

Къ нему были вызываемы врачи какъ изъ гор. Валукъ, такъ и посторонніе, какъ то: изъ сл. Мандровой мѣстная знаменитость г-нъ Самецкій и изъ Бирюченскаго уѣзда помѣщикъ Семень Николаевичъ Грузовъ, — послѣдній даже нѣсколько времени сряду находился при больномъ для пользованія медикаментами.

Но, къ величайшему прискорбію, пользы отъ медицины было совсѣмъ мало.

Съ 15 декабря о. Архимандритъ сталъ себя чувствовать хуже и хуже; старецъ Божій все таялъ и таялъ; жизнь его видимо угасала, какъ горящая лампада. Знать Богу бы-

ло такъ угодно, чтобы Великій Авва, молитвенникъ и подвижникъ, предъ смертію своею и въ такомъ преклонномъ 90-лѣтнемъ возрастѣ претерпѣлъ тяжелую головную болѣзнь, перешедшую отъ простуды въ постоянное лихорадочное состояніе, совершенную потерю аппетита, болѣзнь сердца, повременамъ усиленную рвоту (но Пречистыя Тайны Христовы могъ принимать спокойно) и мучительную бессонницу, которой больной съ давнихъ временъ страдалъ, но подъ конецъ жизни она усугубилась.

Безъ состраданія и слезъ нельзя было смотрѣть на его болѣзненное состояніе.

Поистинѣ, что кого Господь любитъ, того и наказуетъ, біетъ же сына, его же приѣмлетъ.

Старець Божій сознавалъ, что сія болѣзнь послана ему Самимъ Господомъ. Такъ, когда онъ былъ здоровъ и услышитъ бывало о скоропостижной смерти кого-либо, онъ всегда въ такомъ случаѣ, полагая крестное знаменіе на себя и смотря на Икону Спасителя, молился: „Господи, избави меня грѣшнаго отъ внезапной смерти, дай мнѣ, Господи, передъ смертію поболѣть и поболѣть“. И, дѣйствительно, поболѣлъ. Но велико было терпѣніе маститаго о. Настоятеля, ни слова ропота, онъ всего себя предалъ волѣ Божіей.

Лишь иногда, съ молитвеннымъ воздыханіемъ взывалъ ко Господу: „ахъ, Господи! тяжело мнѣ грѣшному“, или „Боже мой! если угодно Тебѣ, пошли мнѣ смерть, какъ успокоителя моихъ страданій“. Посѣщавшимъ его въ болѣзни какъ братіямъ, такъ и постороннимъ изъ гражданъ, говаривалъ: „видно пришло для грѣшнаго Игнатія время поболѣть и потерпѣть. Не оживаю и не умираю; но да будетъ воля Твоя, Господи, на мнѣ грѣшномъ“.

Не смотря на свою тяжелую болѣзнь, Настоятель всегда, по заведенному имъ обычаю, приказывалъ келейникамъ

угощать братію монастырскимъ утѣшеніемъ въ его покояхъ какъ въ Воскресные, такъ и въ Праздничные дни; также было и въ день его Ангела, въ память Св. Священно-мученика Игнатія Богоносца 20 декабря, накануне котораго 19 декабря утромъ, въ помѣщеніи больного братією было отправлено всенощное бдѣніе съ чтеніемъ и акаѳиста Священномученику Игнатію.

Послѣ утѣшенія онъ всѣхъ благословлялъ, сидя или лежа, смотря по состоянію здоровья, причемъ смиренно просилъ братію молиться за него, говоря при этомъ: я, грѣшный, хотя по болѣзни моей и дома сижу, но по долгу христіанскому молюсь и здѣсь о васъ и о всѣхъ православныхъ христіанахъ“.

Всегда любившій неопустительно посѣщать храмъ Божій для молитвы и служенія въ немъ, больной старецъ скорбѣлъ, что болѣзнь такъ долго не позволяетъ ему побывать въ храмѣ.

При наступленіи же праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія Господня, онъ буквально плакалъ, говоря: „Боже мой! братія и люди добрые будутъ праздновать праздники Твои въ храмѣ Твоемъ, а я грѣшный не поправляюсь, сижу дома, лишаясь благодатнаго пребыванія въ храмѣ“, и, оставляя при себѣ только одного келейника, прочихъ посылалъ въ церковь, со словами: „идите, идите, братіе, въ церковь Божію и усердно молитесь тамъ за себя и за меня грѣшнаго“.

Рѣшительно не питая надежды дожить до окончанія и освященія новаго храма Божія, онъ все же еще надѣялся весной видѣть его хотя освобожденнымъ отъ лѣсовъ. Также онъ очень желалъ поклониться Св. мощамъ невопрославленнаго Угодника Божія Святителя Іоасафа Бѣлгородскаго чудотворца. Сію надежду питалъ о. Настоятель до 7 янва-

ря 1912 г. включительно, но потомъ, при видѣ все болѣе и болѣе ухудшающагося своего здоровья, говорилъ спокойно и съ полной преданностью волѣ Божіей: „видно, — Господу не угодно мое желаніе, и я чувствую, что до весны я грѣшный не доживу, я умру“.

До глубины души грустно было слышать искренно любящей его братіи такую скорбь своего любимца-настоятеля.

За больнымъ о. Настоятелемъ попеременно ухаживали четыре послушника.

Видя ихъ искреннее и неліцемерное къ нему усердіе, угасающій старецъ часто говорилъ имъ: „ахъ! милая братія моя, простите меня грѣшнаго, заморилъ я васъ всѣхъ“.

„Мы не утомляемся, — говорили они ему, — этой услугой потому, что служиваемъ Вамъ попеременно, а Вы одинъ страдаете тяжелой болѣзнію, ниспосланной Вамъ Провидѣніемъ Божіимъ“.

Послѣ обѣденнаго времени и вечеромъ ежедневно, по желанію о. Настоятеля, Іеромонахъ Игнатій читалъ ему Св. Евангеліе, житія Св. Угодниковъ Божіихъ и книги св. Отцовъ подвижниковъ, каковое чтеніе больной, лежа, съ умиленіемъ слушалъ.

Читаны были также и молитвы, собственно-ручно имъ самимъ переписанныя изъ добротолубія и другихъ книгъ, на каковыхъ рукописяхъ, между прочимъ, имѣются замѣтки покойнаго такого содержанія: „Грѣшный Игнатій, чаще и чаще читай сію молитву, и взывай ко Господу, это будетъ тебѣ спасительно“.

Подъ праздникъ Крещенія Господня во время обѣдни, колейники вывели любимаго настоятеля изъ спальни въ залъ и посадили въ кресло, гдѣ онъ и находился, молясь, до прибытія Іеромонаха съ крестомъ и св. водой, а по прибытіи его приложился ко кресту, испилъ св. воды и, окропившись оной, возвратился въ свою келлію.

Отъ праздника Рождества Христова по 15 января, больной о. Настоятель съ трудомъ могъ принимать въ пищу половину яйца въ смятку, 5 — 6 ложечекъ рыбной ухи безъ хлѣба и столько же жиденькой молочной каши; выпивалъ по небольшой чашкѣ чая безъ хлѣба, а затѣмъ и отъ этой пищи онъ началъ отказываться вслѣдствіе ужасной потери аппетита и позыва на рвоту. Въ теченіи послѣднихъ 15 дней онъ не принималъ никакой пищи кромѣ принятія Св. Хр. Таинъ и чайной ложки св. воды. Но какая была трогательная его забота въ это время о своихъ келейникахъ: „видите, братія, идите, гова; ивалъ онъ имъ, подкрѣпитесь, попейте чайку“, или „идите, идите, пообѣдайте, на меня не смотрите, я уже отъѣлъ свое“. Отъ недостатка питанія и отъ тяжелой болѣзни отъ когда то виднаго станомъ о. Настоятеля остались только кожа да кости.

Беззавѣтно любя ввѣренную его попеченію обитель, которой безкорыстно онъ отдалъ свои духовныя и физическія силы и матеріальныя средства, маститый о. Настоятель, и лежа на одрѣ болѣзни, до самой почти смерти не переставалъ заботиться о ней, дѣлалъ свои распоряженія чрезъ казначея, благочиннаго, эконома и ключника. Казначею давалъ свои распоряженія, между прочимъ, касательно постройки храма и закупки матеріаловъ для онаго: алебаstra, извести, стекла и проч., Благочинному — касательно поведенія братіи; а экономъ и ключникъ приходили къ нему ежедневно вечеромъ съ докладомъ, что сдѣлано, и за благословеніемъ, что еще нужно предпринять на слѣдующій день. Онъ всѣмъ имъ говаривалъ: „смотрите, братія моя, чтобы было у васъ хорошо, трудитесь по совѣсти, имѣя предъ собой страхъ Божій“.

Также и благовѣсть къ церковному Богослуженію всегда начинался исключительно по его благословенію.

Даже въ самый день кончины 3 февраля, за 2 часа

до смерти, у прибывшаго къ нему Благочиннаго Іеромонаха Саввы (онъ же и духовникъ настоятеля) спрашивалъ: „а что, о. Благочинный, служили ли вы нынѣ соборне молебень по случаю Кавалерскаго Праздника, на что давалъ я распоряженіе еще утромъ“, — „служили, служили, о Архимандритъ“, было отвѣтомъ о. Благочиннаго, — „будьте спокойны, дорогой нашъ Батюшка, — успокойтесь“. Какъ истинный воинъ на полѣ брани, не смотря на пораненія отъ врага, неотступно стоять, борясь съ врагомъ, такъ и сей маститый о. Настоятель, не смотря на тяжелую болѣзнь, забывая себя, свято исполнялъ до послѣдней минуты свѣй долгъ предъ Богомъ, Начальствомъ и предъ ввѣренной его попеченію Св. Обителью.

Приснопамятный о. Архимандритъ не только когда былъ здоровъ, но и во время болѣзни всегда спалъ въ подрясникѣ и въ обуви; только за три недѣли до кончины своей, уступая предложенію врача и просьбѣ келійниковъ, снялъ съ себя подрясникъ, но сандалій не пожелалъ снимать съ ногъ.

Твердо и крѣпко вѣря во Всесильную помощь Божію, въ молитвенное предстательство предъ Богомъ Царицы Небесной и въ небесное покровительство обители Великаго Угодника Божія Святителя Христова и Чудотворца Николая, а также и въ помощь добрыхъ людей, о. Настоятель предъ смертію своею просилъ сотрудниковъ своихъ, — а чрезъ нихъ и замѣстителя его, — продолжать постройку новаго соборнаго храма до конца. Благословилъ въ наступающее лѣто выдѣлку кирпича на монастырскомъ кирпичномъ заводѣ для обнесенія новаго собора оградой, устройство новаго страннопріимнаго дома, и, наконецъ, благословилъ въ недалекомъ будущемъ устройство небольшого уединеннаго скита во имя Св. священномученика Игнатія Богоносца, въ монастырскомъ лѣсу для желающихъ изъ

братіи уединенной жизни, а также благословилъ сдѣлать форфоровый иконостасъ для новаго собора.

Предъ Новымъ Годомъ самъ провѣрилъ и подписалъ всѣ отчетныя бумаги и книгу прихода-расходную для отправки, куда слѣдуетъ.

Многіе и весьма многіе, зная аскетическій образъ жизни труженика и молитвенника въ Бозѣ, почившаго о. Настоятеля, спрашиваютъ меня, пишущаго эти строки, какъ прожившаго у него въ качествѣ келейника свыше 30 лѣтъ, имѣлъ-ли о. Настоятель хотя тайное схимническое постриженіе? Отвѣчаю, что не имѣлъ и не имѣлъ потому, что сознавалъ святость сего монашескаго сана, которымъ требуется совершенное удаленіе отъ дѣлъ управленія. Льстить-же себя было не въ характерѣ покойнаго. А поэтому, взвѣсивъ свое душевное настроеніе, онъ не принималъ и тайной схимы, а рѣшилъ по пути спасенія идти царскимъ путемъ, не уклоняясь ни на десно, ни на шее. И вотъ посему благо любимой имъ святой обители и вѣреннаго его попеченію о Христѣ братства покойный отецъ Настоятель поставлялъ выше своего личнаго блага и спокойствія, и даже въ то самое время, когда лежалъ на одрѣ смертномъ. Такъ онъ любилъ братію свою.

Въ свою очередь и братія относилась къ нему съ искреннею любовію и уваженіемъ и старалась исполнить волю его, не страха ради, а изъ любви къ нему сыновней и уваженія къ его благочестивой подвижнической жизни, простотѣ его въ обращеніи, и за его доступность ко всѣмъ.

За три недѣли до блаженной своей кончины о. Архимандритъ сказалъ окружавшимъ его: „я, милая моя братія, умру, и скоро умру; вѣдь два вѣка не жить, слава Богу безъ малаго прожилъ 90 лѣтъ, пожилъ и милостію Божіею потрудился, на сколько Господь помогъ мнѣ грѣшному; пора костямъ на свое мѣсто“.

И при этомъ далъ распоряженіе, чтобы братія—столяры приготовили для него гробъ, а келейники съ духовникомъ Іеромонахомъ Саввой и Іеромонахомъ Игнатіемъ погребальныя одежды, что и было исполнено; мѣсто же для погребенія указано было имъ еще за 10 лѣтъ до смерти, а именно, вблизи стѣны Успенской церкви съ сѣверной стороны противъ окна, смежнаго съ жертвенникомъ.

Мѣсто это избрано имъ въ той мысли и надеждѣ, что не только любящая и знающая его братія обители не забудетъ помянуть его, придя въ Святой алтарь для поминовенія своихъ родныхъ, но и будущая братія, не знавшая его при жизни, — придя въ св. алтарь для упомянутой цѣли, невольно вспомнитъ и его, увидя могилку его чрезъ окно, имѣющееся въ стѣнѣ, смежной съ жертвенникомъ. Облачить по смерти просилъ просто, помонашески и безъ митры.

Затѣмъ пригласилъ къ себѣ въ покои всю свою о Христѣ братію и, по прочтеніи мною, Іеромонахомъ Игнатіемъ, молитвы „Владыко, многомилостиве Господи“ и т. д., которая читается въ Великій постъ на великомъ повечеріи, маститый о. Настоятель простился съ своею духовною паствою, благословилъ каждого, давая при этомъ о Господѣ каждому послѣднее цѣлованіе.

Завѣщаль и просилъ братію жить помонашески, неопустительно ходить въ храмъ Божій и жить въ мѣрѣ между собою.

Поистинѣ, до глубины души трогательна и умилительна была картина сего прощанія! Братія при семъ проливали непритворныя слезы.

Простились также съ нимъ и всѣ живущіе на рабочемъ монастырскомъ дворѣ и богомольцы обоего пола, находившіеся въ монастырской гостинницѣ, всѣхъ благословлялъ благостный старецъ и всѣмъ сказалъ послѣднее „прости“.

Посѣтили также маститаго о. Настоятеля и простились съ нимъ навсегда г. Валуйскій Уѣздный Исправникъ, родные Настоятеля и многіе изъ гражданъ гор. Валуекъ почитателей его.

За тѣмъ, по желанію его, мною, Іеромонахомъ Игнатіемъ, прочитанъ былъ канонъ Пресвятой Богородицѣ на исходъ души, но безъ заключительной молитвы, — послѣдняя была прочитана въ день блаженной кончины его, о чемъ будетъ сказано ниже.

На праздникъ Срѣтенія Господня—2 февраля пишущій эти строки послѣдній разъ напутствовалъ Святыми Тайнами приснопамятнаго о. Настоятеля, который потомъ чрезъ келейниковъ обычно утѣшалъ служащую и пѣвческую братію.

Вечеромъ того же числа прочитано ему обычное монашеское правило, послѣ котораго онъ благословилъ келейниковъ на покой, оставивъ только одного дежурнаго при себѣ на ночь. Ночь провелъ спокойно, но спалъ мало, обычно страдая бессонницей, и часто спрашивалъ о времени часовъ. Въ 2 часа ночи у о. Настоятеля возобновились приступы головной боли съ жаромъ и кашель съ мокротою. На голову ему былъ положенъ компрессъ, а для болѣе удобнаго откашливанья приподняли его, но потомъ опять уложили въ постель.

Потомъ онъ сказалъ келейникамъ, „ну, братія, нужно читать утреннее правило—нужно молиться“, а когда узналъ отъ нихъ, что еще рано, и всего только два часа по полуночи,—сказалъ келейникамъ: „ну, идите же, братія, съ Богомъ—отдыхайте себѣ“.

Въ 5 часовъ утра 3 февраля прочитано было ему утреннее правило съ акаѳистами Спасителю и Божіей Матери, послѣ чего онъ выпилъ ложечку св. воды.

Въ 10 час. утра съ трудомъ выкушалъ полчашки чая.

Въ полдень почувствовалъ себя весьма ослабѣвшимъ;

затѣмъ попросилъ меня, Іеромонаха Игнатія, прочесть акаѳистъ Св. Николаю, справившись предварительно, „горятъ ли лампы и восковыя свѣчи въ покояхъ“ его. Затѣмъ попросилъ еще св. воды и нѣсколько капель елея отъ св. мощей Святителя Іоасафа Бѣлгородскаго, которому за симъ и былъ прочтанъ акаѳистъ по желанію больного. По прочтеніи акаѳиста, попросилъ прочесть канонъ Господу Спасителю на исходъ души съ положенной при канонѣ разрѣшительной молитвой.

И чтеніе акаѳистовъ и канона благоговѣйный старецъ Божій, лежа на одрѣ своемъ, слушалъ съ умиленіемъ, полагая на себѣ крестное знаменіе, а лѣвой рукой держалъ восковую свѣчу.

Послѣ канона читавшій Іеромонахъ прочиталъ Символь вѣры и молитву Св. праведнаго Симеона Богопріимца: „Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко“. И затѣмъ означенный Іеромонахъ взялъ крестъ въ руки и сдѣлалъ полный отпустъ, послѣ чего старецъ Божій послѣдній разъ приложился къ Кресту и Евангелію, приложился также къ образамъ: Божіей Матери, Святителя Христова Николая, Святителя Іоасафа, Священномученика Игнатія Богопосца и Алексія, Человѣка Божія, каковыя образа были поданы ему, по его желанію. За симъ онъ простился съ духовникомъ своимъ, Благочиннымъ Іеромонахомъ Саввой, келейниками: Іеромонахомъ Игнатіемъ и монахомъ Θεодосіемъ, и прочими келейниками, монастырскимъ фельдшеромъ, и съ писмоводителемъ монахомъ Филаретомъ, искренно плакавшими о безвозвратной разлукѣ съ незабвеннымъ начальникомъ.

Потомъ, забывшись минутъ на пять, старецъ сказалъ: „пришли люди Божіи, ...побыли и оять ушли“ и устремилъ глаза свои вверхъ, — шепча молитву. Въ это время келейникъ, послушникъ Яковъ Шевченко сидѣлъ у ногъ, держа напротивъ умиравшаго въ одной рукѣ образъ Господа

Спасителя—моленіе о чапѣ, а въ другой Св. Евангеліе, предъ которыми горѣла восковая свѣча, а Іеромонахъ Игнатій находился у изголовья въ эпитрахили и тихо читалъ „молитвенныя воздыханія души предъ смертію“, Архіепископа Могилевскаго Евсевія,—читалъ тихо для того, чтобы не нарушить спокойствіе умирающаго старца.

Прошло минуты три—четыре тишины, какъ умирающій сказалъ читавшему, „о. Игнатій! читай громче“; исполняя волю о. Настоятеля, Іеромонахъ повысилъ голосъ и началъ читать громко вышеозначенныя предсмертныя молитвенныя воздыханія; по прочтеніи коихъ и еще разъ повторилъ. Далѣе тѣмъ же іеромонахомъ былъ прочитанъ акаѳистъ Страстямъ Христовымъ съ канономъ и молитвами, и во время сего чтенія старецъ Божій истово полагалъ на себя крестное знаменіе, слезно молился.

Въ концѣ первой молитвы Страстямъ Христовымъ умирающій старецъ Божій протянулъ руку читавшему, который взаимно взялъ его руку, и, такимъ образомъ облабызались по священному обычаю рука въ руку, и кромѣ сего облабызались и въ уста послѣднимъ о Господѣ цѣлованіемъ, сказавъ каждый послѣднее „прости“.

Затѣмъ устремилъ онъ свой взоръ въ правую сторону, а потомъ вверхъ и, осѣнивъ еще себя послѣдній разъ крестнымъ знаменіемъ, лежалъ спокойно.

Спустя же минуты три, пульсъ его ослабѣлъ, дыханіе стало рѣже и рѣже. А такъ какъ умирающій старецъ не могъ уже поднять своей руки для крестнаго знаменія, то читавшій акаѳистъ Іеромонахъ время отъ времени осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ.

По окончаніи второй молитвы и затѣмъ молитвы Святителю Іоасафу Бѣлгородскому: „буди благословенъ день и часъ“, маститый старецъ Божій началъ кончаться. Іеромонахъ Игнатій, дрожавшей отъ душевнаго волненія рукою

взялъ крестъ и, осыняя крестомъ умирающаго, вторично началъ читать молитву:— „Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко“, по прочтеніи которой сдѣлалъ опять полный отпускъ, въ концѣ котораго умиравшій трижды вздохнулъ и рѣшительно безъ всякой предсмертной агоніи, въ полномъ сознаніи и памяти, безмятежно, мирно и тихо, съ кроткой и пріятной улыбкой на лицѣ и молитвою, при скатившейся слезѣ, въ 3 ч. 13 м. по полудни предалъ свой духъ Богу, Иже и даде его (Екклез. XII, 7).

Такъ помираютъ только одни богоугодные люди, какъ скончался 90 лѣтній маститый старецъ Божій, Настоятель Валуйской Успенско-Николаевской обители Священно-Архимандритъ Игнатій.

При блаженной кончинѣ его находились: пищущій эти строки, духовникъ покойнаго іеромонахъ Савва, монахъ Филаретъ, келейники его и фельдшеръ монастырскій Пах. Иван. Кутелевъ.

Тѣло въ Бозѣ почившаго не омывали, а по обычаю монашескому только отерли губкою крестообразно теплой водой, смѣшанной съ св. водой, чело, грудь, руки ноги и колѣна. Затѣмъ облачили его во всѣ монашескія одежды, начиная съ власяницы; въ мантию же облачили его Архимандритскую со скрижалями, а въ эпитрахиль съ поручами. Въ руки вложенъ былъ кипарисовый живописный крестъ, освященный на гробѣ Господнемъ, іеромонахомъ Игнатіемъ, и келсѣное, его святое евангеліе; а въ изголовьи положены были два образка—патрона его, св. священномученика Игнатія Богоносца и Преподобнаго Алексія, челоуѣка Божія.

О кончинѣ приснопамятнаго о. Настоятеля донесено было телеграммой Высокопреосвященнѣйшему Анастасію, извѣстили о смерти родныхъ почившаго и благодѣтелей обители, а также по завѣту покойнаго и настоятелей и настоятельница обителей—съ просьбой помолиться объ усопшемъ.

Колоколь монастырскій возвѣстилъ о смерти отца Настоятеля, и вѣсть о смерти его скоро разнеслась и за предѣлами обители.

Когда почившаго облачили прибывшіе отцы іеромонахи и положили на столъ въ залѣ, собралась братія монастыря и началось обычное послѣдованіе по исходѣ души отъ тѣла, въ концѣ котораго прибыли многіе посѣтители изъ гражданъ гор. Валукъ и другихъ мѣстъ.

Вслѣдъ за этой панихидой соборомъ священно-служащихъ началось заупокойное всенощное бдѣніе. Всѣ плакали—и старъ и младъ, а іеродіаконъ съ трудомъ могли возглашать эктеніи отъ слезъ: „Не дождаться намъ такого мудраго отца и благодѣтеля“! съ глубочайшимъ прискорбіемъ восклицали многіе.

По окончаніи всенощной, начатое казначеемъ іеромонахомъ Игнатіемъ чтеніе св. евангелія было продолжаемо очередными о.о. іеродіаконами. Въ 11 часовъ вечера чтеніе евангелія было прервано прибывшимъ изъ с. Тишанки, священникомъ о. Александромъ Аполлосовымъ (почитателемъ покойнаго), которымъ и была отслужена панихида по усопшемъ.

За панихидой опять чтеніе евангелія до 1 часа ночи 4 февраля. Въ часъ ночи іеромонахомъ Игнатіемъ съ братією опять была отслужена панихида. Затѣмъ чтеніе евангелія до 6 часовъ утра, прерываемое служеніемъ панихидъ. Въ 6 часовъ ранняя заупокойная литургія, которую соборомъ совершалъ іеромонахъ Игнатій, а по окончаніи великая панихида съ 17 каѳизмой—предъ гробомъ покойнаго. Предъ поздней заупокойной литургіей, въ храмѣ была совершена соборная панихида по усопшемъ. Въ трапезной церкви тотъ часъ послѣ смерти началось неуспѣнное чтеніе псалтири.

Въ 11 часовъ утра прибыли изъ гор. Валукъ Уѣзд-

ный Исправникъ М. З. Тарховъ съ супругой и соборный Протоіерей о. І. Сахаровъ съ градскимъ духовенствомъ и причтомъ, который соборне отслужилъ великую панихиду по усопшемъ.

Въ концѣ панихиды прибыли изъ слободы Уразовой благочинный Протоіерей В. Прохоровъ и священникъ Петръ Скрябинъ также съ причтомъ, которыми тоже была отслужена великая панихида.

Въ 4 часа по полудни получена была телеграмма отъ ключаря Каѳедральнаго собора, о. Протоіерея Георгія Тимофеевича Алферова, который увѣдомлялъ о своемъ прибытіи на погребеніе съ Намѣстникомъ Митрофанова монастыря о. Архимандритомъ Александромъ и о погребеніи усопшаго 5 февраля.

Обителю много было получено сочувственныхъ телеграммъ и писемъ отъ разныхъ лицъ и мѣстъ.

Чтеніе Евангелія, прерываемое служеніемъ панихидъ, продолжалось до 6 часовъ вечера. Прибывало все болѣе и болѣе почитателей почившаго.

Въ 6 часовъ вечера началось заупокойное всенощное бдѣніе въ покояхъ у тѣла въ Бозѣ почившаго, а въ храмѣ въ это время отправлялось Воскресное всенощное бдѣніе. Покои Настоятеля были биткомъ набиты братією и сторонними. Картина была печально-торжественная. На столѣ почившій вѣчнымъ сномъ лежалъ въ полномъ убранствѣ. Кругомъ служащіе въ траурныхъ облаченіяхъ, братія и сторонніе съ зажженными свѣчами. И среди всей этой торжественно грустной обстановки слышалось величественно-трогательное пѣніе хора ивоковъ, смѣшанное съ рыданіями присутствующихъ.

По окончаніи заупокойной всенощной окропленъ былъ гробъ Св. водой, куда и былъ положенъ усопшій.

Затѣмъ въ 10 часовъ вечера раздался протяжный бла-

говѣсть большого колокола, изъ храма къ настоятельскому дому принесены были хоругви и кресты запрестольные и фонари, и затѣмъ при перезвонѣ колоколовъ послѣдовало перенесеніе почившаго изъ настоятельскихъ покоевъ въ храмъ.

Во время шествія трижды было прочитано евангеліе съ заупокойными эктеніями.

По прибытіи въ храмъ, гробъ съ усопшимъ былъ поставленъ предъ царскими вратами Николаевского придѣла и тотчасъ же, при полномъ освѣщеніи храма, совершена была великая панихида съ каѳизмой.

По окончаніи панихиды, чтеніе евангелія очередными о.о іеродіаконами продолжалось до 5 часовъ утра; оно прерывалось служеніемъ панихидъ, при пѣніи хора монахинь, прибывшихъ изъ Николо-Тихвинскаго монастыря по распоряженію игуменіи Нины. Въ два часа ночи прибыли для погребенія о. Архимандритъ Александръ и Прот. Г. Алферовъ.

Въ 5 часовъ 5 февраля въ Воскресенье, совершена была ранняя заупокойная литургія, при пѣніи хора монахинь, а по окончаніи литургіи и по перенесеніи гроба съ усопшимъ въ главный Успенскій храмъ, при освѣщеніи паникадилъ, совершена была соборомъ великая панихида съ 17 каѳизмой, въ присутствіи множества богомольцевъ и всей братіи, при пѣніи хора иноковъ на правомъ клиросѣ и инокинь на лѣвомъ.

Предъ окончаніемъ панихиды казначеемъ монастыря, іеромонахомъ Игнатіемъ было произнесено слѣдующее надгробное слово.

„Отцы и братія! Угасъ великій и яркій свѣтильникъ, Промысломъ Божиимъ поставленный на свѣщницѣ сей святой Успенской Николаевской обители.

Догорѣла свѣча, около девяносты лѣтъ теплившаяся въ храминѣ сей.

Нѣмы уста, еще вчерашній день бесѣдовавшія съ на-

ми, безсильна благодѣющая десница, съ такой кротостью, съ такой отеческою любовью благословлявшая насъ и безирравно много лѣтъ управлявшая сею обителью.

Перестало биться многострадательное сердце дорогого нашего любвеобильнаго отца, подвижника и усерднаго молитвенника, маститаго старца Настоятеля нашего, священно-Архимандрита Игнатія, столько лѣтъ жившее и трепетавшее любовью къ братіи, состраданьемъ къ нищимъ и ко всѣмъ сиротамъ и несчастнымъ.

И хотя мы вѣруемъ, что душа его изъ сей временной храмины перешла въ небесныя и вѣчныя обители, но содрогается сердце наше и разрывается оно отъ горя при видѣ сего гроба съ бранными останками дорогого намъ существа.

Плачьте, отцы, рыдайте братія, — дорогой батюшка нашъ во гробѣ!

Плачьте за себя, что не стало нашего добраго, любвеобильнаго и непамятозлобнаго пастыря, по иноческимъ обѣтамъ, искренно любившаго храмъ Божій и благолѣпіе храма Божія, истовое по уставу церковному служеніе и горячую усердную молитву въ немъ, монашескою своею строго подвижническою жизнію служившаго намъ примѣромъ.

Плачьте, отцы и братія, что не стало нашего добраго пастыря, водившаго насъ къ пажитямъ добрыхъ дѣлъ!

Плачьте, нищіе, сирые и убогіе, потерявшіе своего отца и благодѣтеля, а вмѣстѣ съ нимъ и свое земное счастье и утѣшеніе!...

Прости же, добрый и дражайшій отецъ нашъ и наставникъ!

Прости всѣхъ насъ! Прости и тѣхъ, которые свыше пятидесяти лѣтъ иногда огорчали твое доброе сердце, которые не могли оцѣнить по достоинству, сколько пользы и добра сдѣлалъ ты для нихъ!

И вотъ только теперь, потерявши тебя, мы плачемъ по тебѣ, дорогой батюшка нашъ.

Но если ужъ такъ угодно было Промыслителю Богу взять тебя отъ насъ, недостойныхъ рабовъ Его, чтобы мы научились цѣнить труды и добрыя дѣла своихъ отцовъ и начальниковъ, то, предстоя Престолу Праведнаго Судии, не помяни содѣланныхъ нами, по немощи нашей, прегрѣшеній и принесенныхъ тебѣ вольныхъ и невольныхъ огорченій, по невѣдѣнію и неразумію нашему иногда причиненныхъ тебѣ.

Если мы хотя сколько-нибудь заслужили любовь и благоволеніе твое, добрый отецъ и пастырь нашъ, то пошли намъ съ небесныхъ селеній свое благословеніе и да почиетъ оно на насъ, твоихъ духовныхъ чадахъ, осиротѣвшихъ и искренно о разлукѣ съ тобою плачущихъ, и на обители сей да пребудетъ благодать Господня во вѣки вѣковъ.

А мы доброе имя твое, записанное на скрижаляхъ нашего сердца, благоговѣнно сохранимъ въ вѣчную память и въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ, да вѣдаютъ они о подвигахъ и благочестныхъ иноческихъ и настоятельскихъ трудахъ твоихъ, подъятыхъ тобою на пользу и процвѣтаніе родной обители, и да подвигнется душа ихъ ревностію о Богѣ и вѣрныхъ слугахъ Его.

И пусть вѣчная память провозглашается тебѣ, пока стоитъ русская земля, а съ нею православная вѣра и эта святая обитель, премногимъ тебѣ обязанная!

Вѣчная память тебѣ, батюшка нашъ, многолѣтній труженикъ Божій!

Вѣчная тебѣ память, отецъ сиротъ и убогихъ, покровитель несчастныхъ, гонимыхъ судьбою!

Вѣчная тебѣ память, добрый подвижникъ и пастырь нашъ, непамятозлюбивый и долготерпѣливый нашъ пачальникъ“!

Вслѣдъ за этой панихидой совершены были панихиды: Ключаремъ Каѳедральнаго Собора о. Протоіереемъ Г. Алфе-

ровымъ, въ сослуженіи священниковъ слоб. Никитовки, о. Ст. Азарова и Николо-Тихвинскаго женскаго монастыря о. Алексѣя Дикарева и въ 9 часовъ во время благовѣста къ поздней Литургіи соборне Намѣстникомъ Митрофанова монастыря, о. Архимандритомъ Александромъ въ сослуженіи іеромонаховъ. Зауцоконную Божественную Литургію совершалъ о. Архимандритъ Александръ въ сослуженіи іеромонаховъ, священниковъ и іеродіаконовъ.

Ризница на священнослужителяхъ была, по распоряженію отца Ключаря, самая лучшая—свѣтлая, пасхальная.

За службой Божіей присутствовали: г. Валуйскій Уѣздный Исправникъ М. З. Тарховъ, г. Становой Приставъ съ нарядомъ полиціи для порядка.

Въ обѣихъ церквахъ обителѣ, и въ оградѣ народа было масса.

Были въ храмѣ дворяне, купцы и общественные дѣятели—почитатели приснопамятнаго великаго Аввы монастыря.

Порядокъ былъ образцовый.

Пѣли въ храмѣ два хора пѣвчихъ: иноки на правомъ клиросѣ, а инокини на лѣвомъ. Пѣніе было величественное и умирительно трогательное.

Паникадила горѣли во всѣхъ церквахъ монастырскихъ какъ за Литургією, такъ и во время погребенія

Вовремя Литургіи „со святыми упокой“ было пропѣто всѣми священнослужителями въ алтарѣ.

У первенствующаго священно-іеродіакона М. при возглашеніи „Во блаженномъ Успеніи вѣчный покой“ въ концѣ голосъ прервался отъ душившихъ его слезъ. Заплакала братія и богомольцы.

Вмѣсто заричнаго стиха, Ключаремъ Каѳедральнаго Собора Протоіереемъ Г. Т. Алферовымъ было произнесено экспромтомъ назидательное и глубокопрочувствованное слово, — всѣ присутствовавшіе въ храмѣ богомольцы и бра-

тія навзрыдъ плакали. Слово это возстановлено о. Ключаремъ, по просьбѣ братіи и почитателей почившаго, и печатается ниже.

Для участія въ погребеніи почившаго прибыло градское духовенство: о. Протоіерей І. Сахаровъ, Протоіерей о. Тихонъ Путилинъ и священникъ о. Тихонъ Дикаревъ съ причтами.

Кончилась Литургія. Вслѣдъ за ней началось и отпѣваніе почившаго по чину „послѣдованіе исходное монаховъ“; участіе въ которомъ приняло 20 священно-служителей во главѣ съ о. Намѣстникомъ Митрофанова монастыря Архимандритомъ Александромъ.

Погребеніе монашеское совершалось безъ малѣйшихъ пропусковъ, по уставу церкви. Пѣли два хора на клиросахъ; пѣли и всѣ священнослужители у гроба почившаго. Всѣ, присутствовавшіе при погребеніи, стояли обычно съ возжженными въ рукахъ свѣчами. Чинъ погребенія, несмотря на его продолжительность, выслушивался предстоящими съ особеннымъ вниманіемъ. Особенно умиленное дѣйствіе производило искусное и задушевное исполненіе пѣвчими антифоновъ. Умѣлая постановка въ монастырѣ пѣнія составляетъ тоже плодъ заботъ и вниманія къ этому важному дѣлу почившаго о. Настоятеля, который требовалъ, чтобы въ храмѣ Божіемъ было все „блигообразно и по чину“ (1 Кор. XIV, 40).

По прочтеніи Евангелія, ключаремъ о. Протоіереемъ Алферовымъ, послѣ предварительнаго назиданія, съ амвона было прочитано нижепомѣщаемое отечески трогательное предсмертное духовное завѣщаніе въ Бозѣ почившаго старца Божія и Настоятеля къ о Христѣ отцамъ и братіямъ тойже обители, которые здѣсь же у гроба своего приснопамятнаго Аввы предстояли и съ неподдѣльною любовію и слезами внимательно слушали.

Затѣмъ прочитана была разрѣшительная молитва казначеемъ іеромонахомъ Игнатіемъ.

Наконецъ наступило и время „последняго цѣлованія“ съ приснопамятнымъ подвижникомъ. На вѣки простились всѣ священнослужители, слезно простилась и вся искренно-любящая его о Христѣ братія. Простились на вѣки и многіе присутствовавшіе изъ богомольцевъ, но не всѣ, такъ какъ всѣхъ пропустить проститься за множествомъ рѣшительно было невозможно. Для того надлежало бы священнослужителямъ, утомившимся уже шести-часовою службою, ждать до вечера. Крестный ходъ съ гробомъ почившаго тронулся изъ храма къ мѣсту могилы въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди несли запрестольные кресты, иконы съ свѣтильниками и хоругви. Затѣмъ шли свѣщеносцы и два хора пѣвчихъ, пѣвшихъ трогательныя ирмосы: „Помощникъ и Покровитель бысть мнѣ во спасеніе“, потомъ въ порядкѣ шли священно-іеродіаконы, діаконы, іеромонахи, священники и Протоіерей во главѣ съ священно-Архимандритомъ Александромъ, въ рукахъ державшимъ св. крестъ. Затѣмъ уже несомый и окружаемый любящей его братіей, гробъ съ почившимъ ихъ Аввой-Настоятелемъ, и наконецъ многочисленная масса народа.

Вся эта величественно трогательная процессія, при красномъ перезвонѣ монастырскихъ колоколовъ, двинулась вокругъ храма къ мѣсту вѣчнаго покоя, при чтеніи Евангелія и эктеній по усопшемъ.

Вотъ и могила со склепомъ, гдѣ и остановилась процессія.

Затѣмъ первенствующій, предавая землѣ тѣло усопшаго, возгласилъ: „Господня земля и исполненіе ея: вселенная и вси живущіе на ней“. Возливая же на тѣло усопшаго Святый елей, прочелъ слѣдующій тропарь: „Образомъ креста Твоего, Человѣколюбче, смерть умертвися, и адъ плѣнися, и древле умершіи воставше, пѣснь Тебѣ прине-

соша. Тѣмже вопіемъ Тебѣ: Христе Боже, преставльшагося отъ насъ упокой, идѣже всѣхъ есть веселящихся жилище въ Тебѣ, еже славити Твое Божество“. Послѣ чего гробъ съ почившимъ въ Бозѣ, при рыданіи любящей его братіи, на вѣки былъ закрытъ и опущенъ въ могилу.

Затѣмъ послѣ сугубой заупокойной эктени и молитвы: „Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего“, первенствующимъ о. іеродіакономъ возглашена была Вѣчная память въ Бозѣ почившему священно-Архимандриту Игнатію, которая пѣснь и была пропѣта всѣми здѣсь у могилы присутствовавшими.

Наконецъ послѣдній красный звонъ возвѣстилъ, что то, что было землей, возвратилось въ землю, а духъ его воспарилъ къ тому, Иже и даде его (Еккл. XII, 7). Окончилось погребеніе около трехъ часовъ по полудни.

На могилу приснопамятнаго великаго Аввы обители положенъ былъ надгробный простой камень, за тридцать лѣтъ ранѣе сего времени самимъ о. Настоятелемъ приготовленный; и съ теплящейся лампадой поставленъ былъ крестъ съ распятіемъ, на оборотѣ коего написано:

„Пріидите, возлюбленніи мои духовныя чада и братіе, пріидите и поучитесь у гроба моего, якоже иногда поучахъ вы, и въ церкви и на всякое время: „человѣкъ — яко трава, дни его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ“, сего ради помните отцы, и братіе, послѣдняя ваша.

Далѣе: „Братіе мои возлюбленніи! не забываютъ мя, егда воспѣваете Господа, но поминайте мою любовь и молитесь Богу, да упокоитъ духъ мой съ праведными“.

И наконецъ читаемъ: Возстановитель Валуйской Успенской Николаевской обители, маститый 90 лѣтней старецъ Божій, усордный молитвенникъ и подвижникъ, Настоятельствовавъ въ сей обители съ 1857 года по 1912 г. Скон-

чался 3 февраля въ пятницу, въ 3 часа и 13 минутъ по полудни.

Миръ праху твоему, мудрый и добрый труженикъ Божій!

Господи! пріими духъ его съ миромъ!

Послѣ погребенія по завѣту въ Бозѣ почившаго, все духовенство, старшая братія и граждане приглашены были въ настоятельскія помѣщенія къ поминальному обѣду.

Для всего остального братства поминальный обѣдъ предложенъ былъ въ трапезѣ. А для богомольцевъ, странниковъ и для нищей братіи въ монастырскихъ страннопріимницахъ.

Послѣ вечерней панихиды у могилы въ Бозѣ почившаго о. Настоятеля, священно-Архимандрита Игнатія, однимъ изъ глубокоскорбящихъ иноковъ обители была прочитана слѣдующая эпитафія:

„У могилы твоей не долженъ безнадежно я рыдать,
Затѣмъ, что я монахъ и съ міромъ разлучился,
Но Господу служить я у тебя учился,
И чѣмъ тебѣ могу за это я воздать,
О незабвенный и строго сираведливый наставникъ мой?!

Тебѣ я открывалъ души своей стремленья,
Ты понималъ ихъ отеческой душой,
Стараясь развить благое направленье—
Во мнѣ, врученномъ съ юныхъ лѣтъ обители святой
Для подвиговъ труда, терпѣнья, молитвы и смиренья.

Любовію къ добру тебѣ обязанъ я;
Въ тяжелыя минуты озарялъ свѣтомъ
Мой разумъ ты; къ кому же за совѣтомъ
Я безъ тебя приду, о мудрый и милостивый наставникъ мой?!

Всѣ мы духовно-пригрѣтые тобой,
Отцы и братія обители святой
Завѣтъ твой добрый сохранимъ

Изъ любви къ тебѣ святой
О, Авво нашъ драгій.

Память о тебѣ благую до гроба и за гробомъ сохранимъ!
Святымъ крестомъ—Символомъ Искупленья
Могилу дорогому съ надеждой осѣнимъ,—

И предъ Нимъ
Въ ночь темную и днемъ будетъ свѣтиться
Лампады огонекъ надъ прахомъ дорогимъ.
И предъ симъ Крестомъ

Не престануть изливаться горячія моленья,
Да удостоятъ насъ всѣхъ съ тобой
Господь Воскреспій
Благаго Воскресенья.

Иеромонахъ Игнатій.

I.

С Л О В О,

произнесенное Протоіереемъ Г. Т. Адферсовымъ при погребеніи Настоятеля Валуйскаго Успенскаго монастыря, Архимандрита Игнатія.

*Блажени мертвіи, умирающіи о
Господь отнынѣ: ей, глаголетъ Духъ,
да почиютъ отъ трудовъ своихъ; дѣ-
ла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними
(Апок. XIV, 13).*

Предъ нами. бл. сл., во гробѣ смертные останки благоговѣйнаго и досточтимаго о. Настоятеля св. обители сей, священно-Архимандрита Игнатія, въ мірѣ Алексѣя Алексѣевича Алексѣевскаго. Такъ недавно онъ былъ съ нами, жилъ мыслями и думами о ввѣренной ему святой обители, входилъ въ дѣла и распорядки ея жизни, бесѣдовалъ и назидалъ братію, а теперь, теперь онъ лежитъ предъ нами *мертвъ и бездыханенъ*. Сомкнулись его уста, — бесѣдовать и назидать не могутъ; потухъ свѣтъ въ его глазахъ, — и онъ не можетъ съ обычными ласкою и кротостію смотрѣть на окружающихъ его гробъ; не слышитъ его ухо, — и онъ уже не можетъ внимать мольбамъ и просьбамъ нуждающихся въ его совѣтахъ, руководствахъ, указаніяхъ, утѣшеніяхъ и помощи; перестало биться его любвеобильное сердце, и въ немъ уже не встрѣтятъ сочувствія и поддержки и ближніе и дальніе, всѣ труждающіеся и обремененніи, сироты и вдовицы, которымъ онъ такъ любилъ оказывать и духовную и матеріальную помощь, каждому по его потре-

бѣ. Да, и надъ о. Архимандритомъ совершился и его постигъ приговоръ небеснаго правосудія, объявленный согрѣшившимъ нашимъ прародителямъ: *«ЗЕМЛЯ ЕСИ, И ВЪ ЗЕМЛЮ ОТЪИДЕШИ»* (Быт. III, 19). Онъ теперь почилъ сномъ смерти. Тѣло его нынѣ же приметъ земля, а духъ его уже отошелъ къ Богу, *иже и даде его* (Еклез. XII, 7). Что же намъ, братія святой обители сей и всѣ сошедшіеся ко гробу сему, что намъ дѣлать, какъ вести себя при видѣ этого гроба? Скорбѣть ли и печалиться, или радоваться и утѣшаться? Обозрѣвая всѣхъ предстоящихъ сему гробу, мы видимъ, что одни глубоко вздыхаютъ, у другихъ слезы на глазахъ, а Третьи, уже готовы поднять вопль и стонъ, плачь и рыданіе на весь храмъ, но радующихся мы здѣсь не видимъ. И это вполне естественно и понятно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не скорбѣть, какъ не плакать братія обители сей, лишившейся въ почившемъ своего незабвеннаго начальника, своего надежнаго руководителя и наставника, своего дорогого, любвеобильнаго и непамятозлобиваго отца и друга? Какъ не скорбѣть и не плакать, когда онъ былъ болѣе пятидесяти лѣтъ надежнымъ кормчимъ монастырскаго корабля, когда всѣ—поголовно насельники этой обители были имъ приняты на этотъ корабль, имъ воспитаны для разныхъ служеній, съ первыхъ дней вступленія въ обитель пользовались его уходомъ, его заботами и попеченіями? Какъ же не скорбѣть и не плакать дѣтямъ при разлукѣ съ своимъ отцомъ, когда они остаются сиротами и не знаютъ, что будетъ съ ними? Какъ не скорбѣть и другимъ, кромѣ братіи, знающимъ почившаго, когда одни изъ нихъ лишились въ немъ своего утѣшителя, другіе своего добраго наставника и совѣтника, а третьи своего сострадателя и питателя? Кто имъ замѣнитъ почившаго? Гдѣ нищіе, сироты и вдовицы получаютъ ту помощь, какую постоянно получали отъ почившаго о. Архимандрита, къ которому они шли въ

своей нуждѣ безбоязненно, зная, что отказа не будетъ? Такъ естественны скорбь и печаль при этомъ гробѣ и для ближнихъ и для дальнихъ. Но, братія и други, мы съ вами христіане, сыны Божественнаго откровенія, и на этотъ гробъ должны смотрѣть не по челоуѣчеству только, каковой взглядъ свойственъ только *язычникамъ, не имѣющимъ упованія* (Солун. IV, 13), а главнымъ образомъ съ христіанской точки зрѣнія вѣры, надежды и любви. По нашему глубокому убѣжденію, если при этомъ гробѣ умѣстны скорбь и печаль, то онѣ вызываются только слѣдующимъ обстоятельствомъ. Жаль и весьма жаль, что въ Бозѣ почившій не успѣлъ закончить постройку новаго храма, о чемъ онъ такъ много заботился, много хлопоталъ и много думалъ. А какъ ему хотѣлось видѣть этотъ храмъ освященнымъ и совершить въ немъ хотя одну божественную службу! Какъ онъ самъ скорбѣлъ и томился, что за болѣзнію не имѣлъ возможность посмотрѣть на храмъ послѣ того, какъ его освободили совнѣ отъ лѣсовъ и подмоствень! Какъ не разъ онъ порывался къ окну своего дома, чтобы хотя издали взглянуть на это свое училище, на этотъ свой послѣдній трудъ на закатѣ дней своей жизни ко благоукрашенію святой сей обители! На васъ, братія святой обители сей, лежитъ священный долгъ всемѣрно озаботиться окончаніемъ постройки означеннаго храма и тѣмъ утѣшить своего незабвеннаго труженика отца, друга и благодѣтеля, окончить къ знаменательному дню въ исторіи нашего царства трехсотлѣтія славнаго царствованія Императорскаго Дома Романовыхъ и трехсотлѣтія существованія сей обители, въ память каковыхъ событій положено основаніе этого храма. Помѣлуй Богъ, если между вами пойдутъ несогласія по сему предмету, и постройка будетъ пріостановлена на неопредѣленное время, — этимъ вы причините глубокое огорченіе старцу настоятелю, духъ котораго и по смерти будетъ витать среди васъ и над-

зирать надъ вашими дѣлами... Есть еще причина и причина немаловажная для нашей скорби и печали при видѣ этого гроба.

Во гробѣ лежитъ человѣкъ глубокой христіанской вѣры, вѣры искренней, твердой и непоколебимой, человѣкъ высокой христіанской жизни, вполне оправдывавшій свою вѣру дѣлами, человѣкъ высокихъ аскетическихъ, монашескихъ подвиговъ, исполнявшій обѣты монашества безъ всякой поправки и отступленій. А мы, мы многогрѣшныя, что представляемъ по своей вѣрѣ и по своимъ дѣламъ? Да, почившій о. Архимандритъ служить живымъ укоромъ нашего маловѣрія и безвѣрія, нашей беспечности о вѣчномъ спасеніи, нашей халатности, нашего нерадѣнія о томъ, что составляетъ „едино на потребу“.

Вотъ, братіе, о чемъ слѣдуетъ намъ подумать, о чемъ поскорбѣть при видѣ этого гроба, — поскорбѣть о своемъ недостоинствѣ, о своихъ грѣхахъ, о неумѣніи исполнять данные обѣты и при крещеніи и при другихъ обстоятельствахъ жизни. Больше мы не видимъ причинъ и основаній къ скорби и печали, къ слезамъ и плачу при видѣ этого гроба.

Другія разсужденія и соображенія наоборотъ приводятъ насъ къ радости и утѣшенію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ не утѣшаться и не радоваться, видя, что этотъ все же довольно вмѣстительный храмъ, надъ благоустройствомъ котораго не мало потрудился почившій, оказывается теперь тѣсноватымъ для того, чтобы вмѣстить всѣхъ, желающихъ почтить память его? Не ясный ли это признакъ того, какимъ большимъ уваженіемъ пользовался почившій среди гражданъ г. Валукъ, среди жителей окольныхъ и дальнихъ селеній? Но какая бы была тѣснота и давка, если бы погребеніе было отложено на завтрашній день, какъ то предполагалось раньше! Какъ намъ не радоваться и не утѣшаться, видя, что Господь отозвалъ почившаго изъ земной юдоли плача и

скорбей, трудовъ и болѣзней въ то именно время, когда и тѣлесный составъ и духовная красота почившаго говорили о необходимости такового отозванія? Онъ давно уже перешелъ ту границу, за которой, по слову псалмопѣвца царя Давида, слѣдуютъ лишь одни „трудъ и болѣзни“. Благодареніе Богу, что въ Бозѣ почившій и за этой границей еще не испытывалъ долгое время особенныхъ тѣлесныхъ страданій, кромѣ обычныхъ недомоганій въ этомъ возрастѣ, и самъ обходился безъ старонней помощи и ухода. Но всему бываетъ конецъ. Девяностолѣтній возрастъ далъ себя слишкомъ почувствовать и почившему, — постигли его страшныя тѣлесныя страданія (необыкновенныя головныя боли, постоянная бессонница, изиурительная рвота послѣ каждаго пріема пищи) и въ послѣднее время приковали къ постели, когда онъ уже не могъ обходиться безъ старонней помощи. И слава Богу, что Онъ, Милосердый, положилъ конецъ этимъ страданіямъ, которыя въ дальнѣйшемъ могли бы принять болѣе тяжкую форму, какъ естественное послѣдствіе старческаго организма. Господь позвалъ къ себѣ почившаго въ то время, когда онъ и въ духовномъ отношеніи взошелъ вполне въ мѣру возраста совершеннаго, когда онъ представлялъ изъ себя вполне созрѣвшій для житницы небесной колосъ на нивѣ Божіей.

Вооблагодаримъ же Господа Бога за своевременное отозваніе почившаго въ горній міръ и будемъ находить въ этомъ для себя источникъ утѣшенія въ настоящія, повидимому, скорбныя минуты. Не малое утѣшеніе преподаетъ намъ—христіанамъ—и слово Божіе и мать наша Св. Церковь. *Блаженн мертви, умирающи о Господь отнынь; ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ*, говоритъ Тайновидецъ Св. Іоаннъ Богословъ. *Блаженъ путь, въ онъ же идеши, брате, днесъ, яко уготовася тебѣ мѣсто покоя* (прокимень при погребеніи мо-

наховъ), вѣщаетъ намъ св. мать наша церковь. Вотъ, братіе, въ чемъ для насъ, христіанъ, источникъ нашего утѣшенія, нашего успокоенія при разлукѣ съ почившимъ, а равно и источникъ нашего назиданія при семъ гробѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое смерть для христіанина? Она была страшна до пришествія въ міръ Господа нашего Іисуса Христа и Его искупительныхъ заслугъ. Тогда одно напоминаніе о смерти было страшно человѣку. Но это страшное время прошло со времени искупленія и спасенія людей Сыномъ Божіимъ. Онъ Своими страданіями и смертью попралъ навсегда смерть и открылъ душамъ нашимъ свободный доступъ на небо; Онъ для того и воскресъ изъ мертвыхъ, чтобы и насъ совоскресить съ Собою, чтобы наше тѣло смертное сдѣлать бессмертнымъ, посѣваемое теперь не въ честь воскресить въ чести и славѣ. Поэтому нынѣ нѣтъ смерти для христіанина. Живемъ ли мы, — Господеви живемъ; умираемъ ли, — Господеви умираемъ, или, вѣрнѣе, о Господѣ опочиваемъ. Смерть теперь не что иное, какъ успокоеніе отъ трудовъ: *ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ*, переходъ въ лучшую жизнь, возвращеніе душъ въ небесное отечество. Поэтому-то «*блаженни умирающіи о Господѣ*». Но однако блаженны не всѣ, а только «*умирающіи о Господѣ*». Поэтому для всѣхъ насъ должно быть и важно и дорого то, какъ мы живемъ, что дѣлаемъ на землѣ для Бога и ради Его для нашихъ ближнихъ, какъ выполняемъ свое земное назначеніе и призваніе.

Для подвижниковъ вѣры и христіанскаго благочестія самый гробъ есть какъ бы триумфальная колесница, съ торжествомъ препровождающая его въ Іерусалимъ Небесный: «*блаженни убо мертви, умирающіи о Господѣ*». Но горе, горе горькое для живущихъ на землѣ только для земли и не думающихъ о вѣчности и не приготовляющихся къ ней!

Темница вѣчная, темница адская со всѣми ужасами страданій и мученій ожидаетъ такихъ людей.

Теперь обратимъ вниманіе при послѣднемъ цѣлованіи на жизнь усопшаго о. Архимандрита, чтобы воздать ему должную дань нашего почтенія и уваженія и чтобы научиться у него жизни святой, жизни праведной, ведущей ко спасенію. Почившій о. Архимандритъ былъ незаурядный человекъ; нѣтъ, это былъ великій подвижникъ вѣры и благочестія, рѣдкій и убѣжденный исполнитель монашескихъ обѣтовъ. Имя его было извѣстно далеко за предѣлами этой св. обители. Вся жизнь его протекла въ непрерывныхъ трудахъ и заботахъ, въ постоянномъ служеніи Господу Богу и ближнимъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ заботливою рукою родителей, особенно богобоязненной матерью его Марѳой Григорьевной, въ сердцѣ его были глубоко посѣяны добрая сѣмена вѣры христіанской, страха Божія и преданности постановленіямъ и уставамъ общей матери нашей св. церкви, которыя онъ потомъ возгрѣвалъ и укрѣплялъ путемъ собственной самодѣятельности и внимательнаго отношенія ко всѣмъ случаямъ своей жизни. Еще на семинарской скамьѣ Алексѣй Алексѣевичъ много читалъ, много размышлялъ о монашеской жизни и возымѣлъ намѣреніе, по окончаніи курса въ Семинаріи, поступить въ какой-либо монастырь для аскетическихъ подвиговъ. Но отецъ отклонялъ его отъ осуществленія этого намѣренія, бывшаго плодомъ его глубокаго убѣжденія. Повинуясь волѣ отца, онъ 9 дек. 1945 г. былъ рукоположенъ во священника въ слоб. Костомарову, Остро-гожскаго у. Со всѣмъ пыломъ своего вѣрующаго сердца и недюжиннаго ума о. Алексѣй предался исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей, но Промыслъ Божій готовилъ ему иное поле дѣятельности. На второмъ году онъ лишился дорогой помощницы и нѣжно любимой супруги Ольги Григорьевны, умершей отъ свирѣпствовавшей тогда холеры.

Остался молодой батюшка вдовцомъ съ сыномъ крошкой Федей, умершимъ также чрезъ полгода послѣ смерти матери. Тяжела жизнь каждаго вдовца вообще, но сугубо тяжела, неприютна и неприглядна жизнь вдовца-священника. Понять всю эту тяжесть и оцѣнить по достоинству можетъ только испытавшій оную на себѣ лично. Сколько напрасныхъ укоровъ, сколько косыхъ взглядовъ, сколько незаслуженныхъ подозрѣній, сколько недвусмысленныхъ намековъ приходится переносить этимъ несчастнымъ страдальцамъ? Сколько нужно твердости воли, сколько нужно силъ, чтобы безропотно и терпѣливо нести этотъ тяжкій крестъ? Но о. Алексѣй не впалъ въ уныніе подъ тяжестью постигшаго его испытанія. Крѣпкая вѣра въ Бога дала ему силы выдержать этотъ тяжкій ударъ судьбы. „Богъ далъ, Богъ и взялъ (Іов. I, 21), говорилъ онъ по примѣру многострадальнаго Іова, да будетъ благословенно имя Господне“. Лишившись семейнаго счастья, предвидя всѣ трудности одинокаго плаванія по житейскому морю въ положеніи сельскаго священника и опасаясь быть предметомъ незаслуженныхъ нареканій и разномысліи для прихожанъ, о. Алексѣй тогда же рѣшился оставить суетный міръ и посвятить свою одинокую жизнь на подвиги молитвы, поста и самоусовершенствованія въ тиши какого-либо монастыря.

Въ 1852 г. онъ поступилъ въ число братіи Воронежскаго Митрофанова монастыря при тогдашнемъ Архіепископѣ Пареевіи. Въ своемъ прошеніи о принятіи въ монастырь о. Алексѣй не указывалъ, въ какой именно монастырь онъ желалъ поступить, предоставляя разрѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію самого Владыки. Такимъ образомъ на первомъ шагу поступленія въ монастырь онъ показалъ себя истымъ монахомъ, инокомъ въ собственномъ смыслѣ слова, какъ человѣкомъ инымъ, человѣкомъ отрекшимся отъ своей воли въ выборѣ монастыря. Не зналъ онъ своей воли и во всю послѣдую-

щую жизнь, исполняя лишь волю Божию, волю св. церкви и волю своего начальства.

Какъ это не похоже на большинство теперь ищущихъ нынѣ пристанища въ такихъ обителяхъ! Нечужды и они грѣховныхъ человѣческихъ разсужденій о томъ, гдѣ жить поудобнѣе и попривольнѣе, гдѣ больше жизненныхъ достатковъ, гдѣ легче и меньше послушаній и пр. О. Алексѣй сразу обратилъ на себя вниманіе и Архипастыря и ближайшаго монастырскаго начальства. Всѣ были убѣждены, что онъ будетъ истиннымъ монахомъ и полезнымъ членомъ св. обители. 19 дек. 1854 г. о. Алексѣй былъ постриженъ Преосвященнѣйшимъ Іосифомъ въ монашество съ именемъ „Игнатія“ въ честь св. священномученика Игнатія Богоносца. Здѣсь въ Митрофановомъ монастырѣ о. Игнатій проходилъ должность духовника, члена монастырскаго правленія и Благочиннаго монастыря.

Густыя массы богомольцевъ всегда тѣснились у аналогія молодого духовника. Очевидно, о. Игнатій обладалъ особенной силой, особеннымъ умѣньемъ врачевать духовныя язвы проходящихъ къ нему на исповѣдь. Братія монастырская относилась съ особенною любовью, съ особеннымъ почетомъ и уваженіемъ къ своему новому собрату... Въ 1857 г. о. Игнатій былъ назначенъ строителемъ Толшевскаго монастыря, отъ каковаго назначенія онъ хотѣлъ было отказаться, ссылаясь на свою молодость и неопытность для такого важнаго дѣла, какъ управленіе монастыремъ, но Владыка Іосифъ не принялъ его отказа, сказавъ ему: „куда и чѣмъ назначенъ, туда и отправляйся съ миромъ, и Богъ да будетъ тебѣ защитникомъ и помощникомъ въ твоихъ трудахъ“. О. Игнатій немедленно отправился на мѣсто своего назначенія, а за симъ чрезъ пять мѣсяцевъ былъ перевѣщенъ съ тѣмъ же назначеніемъ въ Валуйскій Успенскій

монастырь, гдѣ и протекла вся его жизнь при трудовой, многообразной и разносторонней дѣятельности.

Чтобы по достоинству оцѣнить всю дѣятельность о. Игнатія ко благоустроению этой св. обители, нужно знать, что она представляла изъ себя во время его прибытія въ нее. Это была бѣдная, задолженная, полуразрушенная и крайне малочисленная по числу насельниковъ обитель. Невольно думалось, что дни этой обители сочтены, что ей угрожаетъ закрытіе. Прискорбно было молодому настоятелю видѣть жалкія развалины и убогую скудость на мѣстѣ святомъ, но не упалъ онъ духомъ и не опустилъ безпомощно руки. Съ крѣпкой вѣрой въ помощь Божію и въ молитвенное предстательство предъ Богомъ Небеснаго покровителя св. обители Святителя Христова и Чудотворца Николая молодой настоятель энергично принялся за благоустройство ввѣренной ему обители и съ его именемъ связано и навсегда будетъ памятно внѣшнее и внутреннее ея обновленіе. Камень за камнемъ, кирпичъ за кирпичемъ, копѣйку за копѣйкой онъ сносилъ въ стѣны ввѣренной ему обители... Какъ то въ бесѣдѣ съ нами онъ говорилъ: „все, что вы видите въ оградѣ, кромѣ стѣнъ Успенскаго храма, и за оградой сдѣлано мною съ Божіею помощію и при пособіи добрыхъ людей, но я дѣлалъ и дѣлаю то, что долженъ дѣлать,— да будетъ за все благословенно имя Господне и спасеніе вѣчное всѣмъ, не оставляющимъ меня въ моей тѣснотѣ и скудости“... Заботясь о внѣшнемъ благоустройствѣ св. обители, о. Архимандритъ не оставлялъ безъ вниманія внутренняго духовнаго переустройства жизни иноковъ, увеличивъ число ихъ съ двадцати до 115 челоуѣкъ. И въ этой обители онъ проявилъ себя мудрымъ строителемъ.

Онъ болѣе всего заботился о развитіи въ сознаніи иноковъ понятія о величіи и чистотѣ иноческаго житія, о подвигахъ самоотреченія и борьбы съ страстями и иску-

шеніями, о смиреніи и кротости, о любви и братствѣ. Но, зная, что примѣры назидаютъ лучше всякихъ словъ, онъ эти добродѣтели осуществлялъ прежде всего въ своей личной жизни и такимъ образомъ былъ назидательнымъ примѣромъ вѣры, кротости, смиренія, послушанія и др. добродѣтелей для ввѣренной его попеченію и воспитанію братіи. Всюду и вездѣ онъ шелъ впереди всѣхъ. Особенное вниманіе онъ обращалъ на отправленіе богослуженій въ точную согласность и безъ малѣйшихъ отступленій отъ церковнаго устава. Какое значеніе имѣетъ воздухъ для птицъ, вода для рыбъ, такое же значеніе, по мысли почившаго, должно имѣть и богослуженіе для иноковъ. Поэтому истовое и уставное отправленіе богослуженій, неопустительное посѣщеніе оныхъ онъ считалъ существенною потребностію монаховъ, дыханіемъ ихъ жизни. И въ этомъ отношеніи онъ шелъ впереди всѣхъ: первымъ приходилъ и послѣднимъ выходилъ изъ храма, выстаивалъ всѣ службы, не смотря на продолжительность оныхъ, на ногахъ, не позволяя себѣ садиться въ храмъ даже въ положенное время, какъ, напр., во время чтенія каѳизмъ.

Суровъ и неумолимъ онъ былъ по отношенію къ тѣмъ, которые позволяли себѣ подъ разными предлогами уклоняться отъ службы. Какъ онъ относился къ братіи, какъ ихъ наставлялъ, вразумлялъ и обличалъ, какія онъ въ этомъ отношеніи проявлялъ качества своей души, объ этомъ всего лучше извѣстно самой братіи и лучшимъ показателемъ его отеческаго отношенія ко всѣмъ служатъ тѣ неподдѣльныя и непринужденныя слезы, которыя теперь проливаетъ осиротѣвшая братія.

О. Архимандритъ велъ самый простой образъ жизни и до крайности былъ невзыскателемъ въ отношеніи пищи, одежды и келейной обстановки.

Получаемое имъ по должности настоятеля содержаніе онъ все раздавалъ на нужды монастыря, нищимъ и убо-

гимъ, сиротамъ и вдовицамъ, — въ этомъ отношеніи не было предѣла его милосердію... Въ отношеніи къ староннимъ посѣтителямъ о. Архимандритъ отличался полною простотою и доступностью, необыкновеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ, и всѣ уходили отъ него съ пріятнымъ впечатлѣніемъ отъ его привѣтливости, ласки и доброты. «*Она, подлинно, надломленной трости не переломилъ и льна курящагося не угасилъ*».

Конечно, въ болѣе чѣмъ полустолѣтнее управленіе св. обителью въ Бозѣ почившій о. Архимандритъ встрѣчалъ не мало разнаго рода огорченій, непріятностей, препятствій, но все это онъ переносилъ съ полною покорностію волѣ Божіей, какъ настоящій рабъ Божій.

Этимъ мы заканчиваемъ характеристку личности и дѣятельности почившаго и вполне сознаемъ, что она слишкомъ слаба и не вполне соответствуетъ всему величію высокаго духа и праведной жизни почившаго, который, не обинуясь, можетъ сказать о себѣ вмѣстѣ съ Апостоломъ: „подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ“, прочее убо соблюдается ему, продолжаемъ отъ себя, вѣнецъ правды, егоже воздаеть ему Господь въ день онъ (2 Тим. IV, 7). Почившій о. Архимандритъ всегда памятовалъ „*последняя своя*“. Поэтому когда обнаружили въ немъ приступы тяжелой болѣзни, онъ не пришелъ въ смущеніе: онъ дѣлаетъ распоряженія и относительно гроба и мѣста погребенія, и своего посмертнаго облаченія, прощается еще за нѣсколько дней до смерти съ братією, каждому даетъ утѣшеніе и назиданіе, неоднократно напутствуется Св. Таинствами и наконецъ, при полномъ сознаніи, въ молитвенномъ настроеніи, тихо и спокойно, въ улыбкою на лицѣ отходитъ въ жизнь вѣчную. Такъ онъ отошелъ въ жизнь вѣчную съ горящимъ свѣтильникомъ вѣры и съ елеемъ доб-

рыхъ дѣлъ! Какъ же намъ не повторить у сего гроба: *блаженни мертви умирающіи о Господѣ отнынѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ за ними*, и въ этомъ не почерпнуть утѣшенія въ тяжелыя минуты разлуки съ почившимъ, въ увѣренности, что онъ, какъ благій и вѣрный рабъ, увидетъ въ радость Господа своего? Не скорбите же, любяшіе и чтущіе память почившаго. Въмѣсто скорби чаще воспоминайте его праведную жизнь и старайтесь жить такъ, какъ онъ жилъ, а поучиться у него есть чему какъ инокамъ, такъ и мірянамъ. Подражаніемъ его жизни мы всего лучше покажемъ свою любовь, свое уваженіе и почтеніе къ почившему. Ибо св. Апостоль говоритъ: „поминайте наставники ваши, ихже взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ“ (Евр. XIII, 7), что такъ необходимо въ наше безвѣрное и маловѣрное время, когда мы такъ пренебрегаемъ сокровищемъ своей вѣры, что одни еле держатся самаго несущественнаго въ ней—обрядовой внѣшности, другіе предпочитаютъ ей ложную и несовершенную чужую вѣру, а иные и совсѣмъ отвергли и православную и всякую вѣру вообще.

Что мы видимъ въ рукахъ и на персяхъ почившаго? Видимъ св. крестъ въ омертвѣлыхъ рукахъ его и св. Евангеліе на персяхъ его. Этими святыми предметами почившій всѣмъ намъ безъ словъ вѣщаетъ, что кто хочетъ идти за Христомъ, тотъ пусть возьметъ крестъ свой и за Нимъ идетъ, что крестъ спасаемымъ намъ сила Божія есть, сила противъ всякаго врага и супостата, что Христосъ есть истина, путь и животъ, а это такъ нужно помнить въ наше злополучное и смутное время, когда появилось такъ много учителей, которые выдаютъ завѣдомую ложь за истину, указываютъ иные, чѣмъ въ Евангеліи, пути ко спасенію,—не вѣрьте этимъ лжеучителямъ, они приведутъ не къ животу и вѣчной славѣ, а къ смерти и вѣчной гибели; Еванге-

ліе далѣе говорить, что Христосъ начатокъ умершимъ бысть, вси бо воскреснемъ, одни воскрешеніемъ живота, а другіе воскрешеніемъ суда. Но самъ почившій хорошо сознавалъ, что ни одинъ человекъ не бываетъ чистъ предъ Богомъ, *аще и единъ день житія его на землѣ, и что аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ.* Поэтому онъ не знаетъ, воскресеніе ли живота, или воскресеніе суда предлежитъ ему. Надѣется онъ не на свои заслуги, а исключительно на милосердіе Божіе и на молитвы о немъ св. церкви. Поэтому молитвы, какъ самой лучшей, драгоценнѣйшей и единственной услуги, ожидаетъ отъ всѣхъ насъ, собравшихся къ его гробу, почившій о. Архимандритъ.

Помолимся же, всѣ престоющіе, объ упокоеніи души новопреставленнаго раба Божія, Священно-Архимандрита Игнатія въ мѣстѣ злачнѣ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. Особенно не забывайте его въ своихъ молитвахъ вы, — насельники св. обители сей.

Онъ много молился съ вами и о васъ, много трудился для васъ. Аминь.

II.

С Л О В О

Протоіерея Г. Алферова по прочтеніи Евангелія и предсмертное завѣщаніе почившаго.

Привидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему!

Итакъ, братія св. обители сей, вашъ незабвенный начальникъ, вашъ дорогой воспитатель и руководитель, вашъ любвеобильный отецъ и другъ отправляется въ путь далекій и неизбѣжный, въ путь, изъ котораго нѣтъ возврата, онъ теперь напутствованъ уже молитвами и благожеланіями

св. церкви, чрезъ нѣсколько минутъ гробовая крышка закроетъ его отъ васъ навсегда и приметъ его въ свои объятія мать земля,—вы его больше не увидите. Но что мы наблюдаемъ въ обыкновенной жизни, когда какой-либо глава семейства по какимъ-либо обстоятельствамъ собирается въ далекій путь на болѣе или менѣе продолжительное время? Что онъ тогда дѣлаетъ, о чемъ думаетъ, о чемъ заботится? Если онъ человекъ вѣрующій, то прежде всего старается о томъ, чтобы испросить при посредствѣ священнослужителей на свое путешествіе благословеніе Божіе.

Потомъ дѣлаетъ распоряженія и указанія по хозяйственной части, даетъ наставленія своимъ дѣтямъ и другимъ членамъ семейства относительно ихъ благоповеденія въ его отсутствіе, засимъ, когда все бываетъ готово къ отбытію, совершается послѣднее прощаніе или цѣлованіе, и путникъ при общемъ пожеланіи счастливаго пути отправляется въ намѣченный путь. Нашъ дорогой почившій путникъ во дни своей болѣзни прощался уже съ вами и каждому высказывалъ свои совѣты и благопожеланія,—каждому, насколько онъ зналъ, по его потребѣ. Но его заботливость, его попечительная предусмотрительность о васъ простиралась дальше. Ему хотѣлось побесѣдовать съ вами, ему хотѣлось дать послѣднее наставленіе вамъ именно въ этомъ храмѣ при „последнемъ цѣлованіи“. Но такъ какъ онъ зналъ, что уста его въ это время сомкнутся и не въ состояніи будутъ говорить, то онъ заранѣе еще до постигшей его болѣзни свои думы, свои прощальныя распоряженія и наставленія изложилъ на бумагѣ, составилъ предсмертное духовное завѣщаніе съ тѣмъ, чтобы оно было прочитано вамъ здѣсь при гробѣ, при „последнемъ цѣлованіи“.

При словѣ „духовное завѣщаніе“ у васъ можетъ явиться мысль, что почившій въ этомъ своемъ завѣщаніи дѣлаетъ распоряженія относительно своего имущества. Нѣтъ, не ду-

майте такъ. Не таковъ былъ почившій, чтобы имущественное распоряженіе дѣлать предметомъ гласности при „последнемъ цѣлованіи“. Правда, у насъ духовными завѣщаніями называются именно распоряженія умирающихъ относительно своего имущества, но въ такихъ распоряженіяхъ собственно нѣтъ ничего духовнаго и называются они такъ по одному недоразумѣнію. Слѣдовало бы вѣрнѣе такія завѣщанія называть имущественными, или матеріальными, но отнюдь не духовными. Нѣтъ, почившій о. Архимандритъ оставилъ въ собственномъ смыслѣ духовное завѣщаніе, какъ касающееся вашей духовной жизни, вашего духовнаго благоустройства. Но такъ какъ о. Архимандритъ получилъ уже на свой путь благословеніе церкви, то, примѣняясь къ обычному порядку разставанія съ ближними путниковъ, нахожу благовременнымъ преподать вамъ отъ его имени послѣднія распоряженія и наставленія, какъ оныя выражены въ его духовномъ завѣщаніи, съ тѣмъ, чтобы вы приняли эти наставленія близко къ сердцу и осуществляли въ своей жизни, какъ послѣднюю волю, послѣднее слово прощающагося съ вами почившаго вашего любящаго отца и незамѣнимаго благожелателя. Вотъ что гласитъ это духовное завѣщаніе.

**Предсмертное воззваніе и просьба Настоятеля
Валуйскаго Николаевскаго Успенскаго монастыря
отца Архимандрита Игнатія къ о Христѣ братіи
Валуйской обители и ко всѣмъ присутствующимъ
при погребеніи его.**

Во имя отца и Сына и Св. Духа!

Возлюбленные отцы и братія, о Христѣ мои сподвижники! Позвольте мнѣ обратиться къ вашей о Господѣ братской любви и нынѣ въ послѣдній разъ, какъ и прежде обращался, живя вмѣстѣ съ вами, съ моею обычною просьбою и послѣднѣйшимъ о Господѣ отеческимъ увѣщаніемъ.

Любите Господа Бога нече всего на свѣтѣ и да не возлюбите міра суетнаго и скоропреходящаго нече спасенія своей души. Живите помонастырски и не нарушайте своихъ иноческихъ обѣтовъ, призывая на сіе всесильную помощь Божію. Любите неопустительно посѣщать храмъ Божій и въ немъ за богослуженіемъ усердно молиться. Устава церковнаго не нарушайте, но въ точности исполняйте его, какъ установили Святые Отцы.

Въ келліяхъ вашихъ время, свободное отъ монашескихъ молитвенныхъ правилъ, заполняйте чтеніемъ слова Божія и чтеніемъ свято-отеческихъ книгъ, чѣмъ и избѣжите пустословія и праздности—сихъ матерей пороковъ—и укрѣпите волю свою въ добрѣ и въ исполненіи своихъ, данныхъ Богу, предъ Крестомъ и Евангеліемъ иноческихъ обѣтовъ; въ противномъ-же случаѣ не только трудно, но и не возможно из-

бѣжать монаху искушеній отъ плоти, міра и діавола на тернистомъ пути монастырской жизни. Живите повозможности между собою побратски, въ мирѣ и согласіи, а при искушеніяхъ немедленно миритесь и „да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашемъ“, по заповѣди Св. Апостола. Къ Настоятелю вашему имѣйте покорность и уваженіе, какъ о Господѣ Отцу.

Относительно поминовенія на Литургіи Божественной, на проскомидіи, на молебнахъ и на панихидахъ благодѣтелей и благотворителей сей обители, — сію священную обязанность, я, грѣшный, при Божіей помощи исполнялъ неопустительно, тщательно и добросовѣстно, чему побуждалъ и васъ, о Христѣ отцы и братія, о чемъ свидѣтельствуютъ висящіе противъ жертвенниковъ въ алтаряхъ печатные листы воззванія, такъ и теперь, въ послѣдній разъ разлучаясь съ вами навсегда, вступивъ въ путь загробнаго міра, — умоляю васъ, возлюбленные о Христѣ отцы и братія, ради пользы св. обители сей и спасенія вашихъ душъ, добросовѣстно исполняйте поминовеніе усопшихъ отецъ и братій сей св. обители, благодѣтелей и благотворителей обители; о здравіи и о упокоеніи поминая ихъ, по заведенному чиноположенію и порядку въ сей обители, пропечатанному въ вышеозначенныхъ листахъ; тщательнымъ и усерднымъ поминовеніемъ вы, о Господѣ отцы и братіе, можете оправдать довѣріе къ св. обители благодѣтелей ея, въ противномъ-же случаѣ за нерадивое исполненіе сего священнаго долга строгой отвѣтственности имѣемъ подлежать предъ Правосуднымъ Господомъ, Который да укрѣпитъ васъ въ исполненіи сего священнаго долга.

Волею Божіею и начальства церковнаго вступивъ въ управленіе сею св. обителию въ 1857 году 15 августа, я здѣсь увидѣлъ одну только каменную церковь, безъ всякаго приличнаго церкви Божіей украшенія, прочая-же монастырская постройка была вся деревянная и ветхая, и долга за

монастыремъ состояло до четырехъ тысячъ руб., но затѣмъ, по милости Божіей за молитвами Святителя и Чудотворца Николая, Небеснаго Покровителя обители, къ которому я, грѣшный, съ усердною молитвою прибѣгалъ, означенный долгъ мною былъ уплаченъ (а потомъ, въ разное время вся монастырская каменная постройка жилыхъ помѣщеній для братій и для богомольцевъ обители). вся постройка произведена на средства, собранныя отъ благодотворителей обители сей за поминовеніе, къ тому-же и вся та сумма, которая значится въ прихода-расходной монастырской книгѣ (и состоящая въ въ разныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, вся сія сумма) собрана отъ разныхъ лицъ за поминовеніе, — вотъ тѣ причины, по которымъ я, будучи живъ, вмѣстѣ съ вами, тщательно и добросовѣстно исполнялъ поминовеніе благодотворителей св. обители сей, такъ и отходя отъ васъ въ міръ загробный, прошу и умоляю васъ, о Христѣ отцы и братія, и также прошу и будущаго всечестнаго отца Настоятеля сей обители, — ради спасенія вашихъ душъ и пользы св. обители сей и для несомнѣнной и истинной пользы душамъ живымъ и усопшимъ, — прошу усерднѣйше васъ добросовѣстно и тщательно исполняйте поминовеніе душъ живыхъ и усопшихъ при принесеніи Безкровной жертвы Христовой, по чиноположенію св. обители.

Возлюбленные о Христѣ отцы и братія!

Вамъ безъизвѣстна моя неліцемерная и искренняя любовь къ храму Божію, къ совершенію самаго Богослуженія, къ истовому и точному исполненію Божественной службы по уставу церковному, что для меня грѣшнаго было истинною духовною потребностію, духовною пищею и питіемъ, желая всегда, по примѣру Св. Псалмопѣвца, примѣтаться въ дому Бога моего, гдѣ по мѣрѣ моихъ силъ молился: Господу Богу, Царицѣ Небесной и небесному Покровителю сей обители, Свят. и Чуд. Николаю, предъ Его

Богомъ—явленнымъ образомъ и всѣмъ Святымъ Божиимъ,— по мѣрѣ силъ моихъ молился о себѣ грѣшномъ, о родныхъ, о васъ, о Господѣ моихъ братіяхъ, о создателяхъ и благо-творителяхъ св. обители сей, о всемъ царствующемъ домѣ, о Святѣйшемъ Синодѣ, Епархіальномъ Епископѣ и о всѣхъ Православныхъ христіанахъ, живыхъ и усопшихъ, по долгу христіанскому,—вслѣдствіе чего и по смерти моей желаю, дабы и бранные останки мои были погребены не только близу Храма, но и близу алтаря Господня и жертвенника, а именно, прошу васъ, возлюбленные отцы, погребите мои бранные останки близу стѣны Успенскаго алтаря съ сѣверной стороны, близу окна, примыкающаго къ жертвеннику алтарному, гдѣ могила, на вѣки скрывшая мои бранные останки, могла бы всѣмъ и каждому напоминать мою послѣднюю и усерднѣйшую просьбу: „Молитесь о мнѣ грѣшномъ Господу Богу, да вчинитъ меня недостойнаго, идѣ же Свѣтъ Животный“.

Камень на могилу, имѣющій прикрыть мои бранные останки, находится въ каменномъ амбарѣ на рабочемъ дворѣ.

Возлюбленные о Христѣ отцы и братія!

Въ заключеніе всего смиреннѣйше и усерднѣйше прошу васъ послѣ кончины моей усильте ваши усердныя молитвы о мнѣ, паче же сорокодневныя о вѣчномъ спасеніи моей души. Отцевъ Іеромонаховъ усердно прошу, чтобы вынимали за меня частичку на проскомидіи или на божественной Литургіи, а отцовъ іеродіаконовъ, монаховъ и послушниковъ усердно прошу, чтобы просили служащаго іеромонаха тоже вынуть частичку; ибо это есть великая жертва и душѣ очищеніе грѣховъ ея. Также смиреннѣйше и усерднѣйше прошу васъ, чтобы поминали меня на Литургіи божественной, на панихидѣ и на литіи, а монаховъ и послушниковъ и другихъ желающихъ усердно прошу, чтобы поминали меня на чтеніи Священной Псалтири, ибо и это великая помощь для души усопшаго. Всѣхъ ближнихъ и даль-

нихъ сродниковъ моихъ усерднѣйше прошу св. молитвъ о душѣ моей. Всѣхъ знавшихъ меня, братію изъ бѣлаго и иноческаго духовенства Св. обителей и сестеръ Св. женскихъ обителей, знавшихъ и незнавшихъ меня, усердно прошу Св. молитвъ о мнѣ и всепрощенія

Всѣхъ знавшихъ и незнавшихъ меня изъ мірянъ благочестивыхъ Православныхъ христіанъ обоого пола и нищую братію, всѣхъ усердно прошу, помолитесь о душѣ моей. Усерднѣйше прошу всѣхъ, о Христвѣ Отецъ и Братій, Іеромонаховъ, Іереевъ, іеродіаконовъ и діаконовъ, монаховъ и послушниковъ, мірскихъ лицъ обоого пола, на рабочемъ монастырскомъ дворѣ трудящихся, — присутствующихъ при моемъ погребеніи и отсутствующихъ, всѣхъ усерднѣйше прошу молиться о мнѣ грѣшномъ и простить меня грѣшнаго, въ чемъ я васъ оскорбилъ, и я грѣшный прощаю всѣмъ и вся. И еще разъ воскликну изъ гроба: „помолитесь и молитесь о мнѣ грѣшномъ; ибо иду въ страну дальнюю и невозвратную къ вамъ, но буду тамъ васъ ожидать. Аще умолите о мнѣ грѣшномъ и буду имѣть помилованіе отъ Господа, ради его безцѣнныхъ заслугъ, то взаимно не забуду и васъ; ибо я грѣшный старался любить всѣхъ васъ и молился о васъ на Литургіи Божественной, въ храмѣ Божіемъ и въ келейной молитвѣ, днемъ и ноцію“. А также прошу васъ поминайте и моихъ родителей Іерея Алексѣя и Марѳу со сродниками, въ Синодикѣ церковномъ упомянутыми и звѣстными вамъ въ семъ синодикѣ, какъ и меня грѣшнаго, Архимандрита Игнатія, не забудьте въ вашимъ св. молитвахъ.

Надѣюсь на милосердіе Божіе, непреодоленное грѣхами человѣческими, и на молитвы Божіей Матери, Святаго Ангела Хранителя моего, Святаго Священномученика Игнатія Богоносца, Святителя и Чудотворца Николая, Алексѣя челоуѣка Божія, Святителей Митрофана и Тихона Воронеж-

скихъ Чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ и на ваши святыя молитвы.

Сердечно умоляя все братство Валуйской Успенской Обители исполнить мое послѣднее желаніе, спасительное для всѣхъ насъ грѣшныхъ, затѣмъ земно всей братіи кланяюсь и всѣмъ православнымъ нежайше кланяюсь и, покорнѣйше прося у всѣхъ христіанскаго прощенія за всѣ мои оскорбленія противъ всѣхъ и cadaго, опять покорнѣйше прошу вашихъ молитвъ за грѣшнаго Игнатія, а паче при божественной Литургіи. Настоятель Успенскаго Валуйскаго монастыря Архимандритъ Игнатій. 1900 года мая 22 дня.

Какое, в истину, дивное наставленіе отца своимъ дѣтямъ! Какъ оно заслуживаетъ того, чтобы быть запечатлѣннымъ навсегда на скрижаляхъ вашихъ сердець! Запечатлѣйте же и чаще вспоминайте этотъ дорогой совѣтъ навсегда прощающагося съ вами вашего отца и друга, вашего наставника и руководителя. Осуществляйте его наставленія въ жизни и этимъ всего лучше докажите свою любовь къ нему. — Ты, незабвенный о. Архимандритъ, просишь у насъ прощенія. Нѣтъ, ты ни въ чемъ не виноватъ предъ нами, а мы, мы виноваты предъ тобою во многомъ. Прости же, прости всѣхъ насъ... А самъ иди въ свой путь съ миромъ и, когда увидишь въ радость Господа твоего, помолись тамъ у Престола Всевышняго и о насъ грѣшныхъ.

Прот. Г. Алферовъ.
